

РУДО МОРИЦ

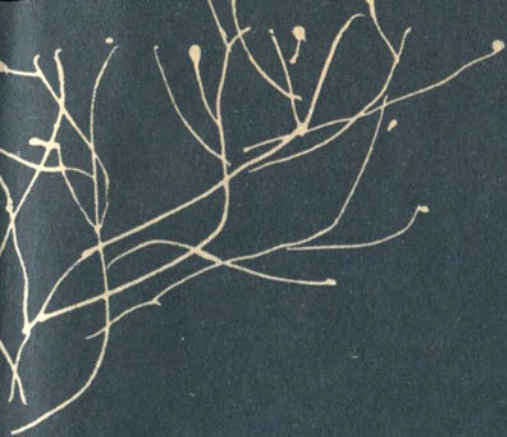
ИЗ ОХОТНИЧЬЕЙ СУМКИ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА"**

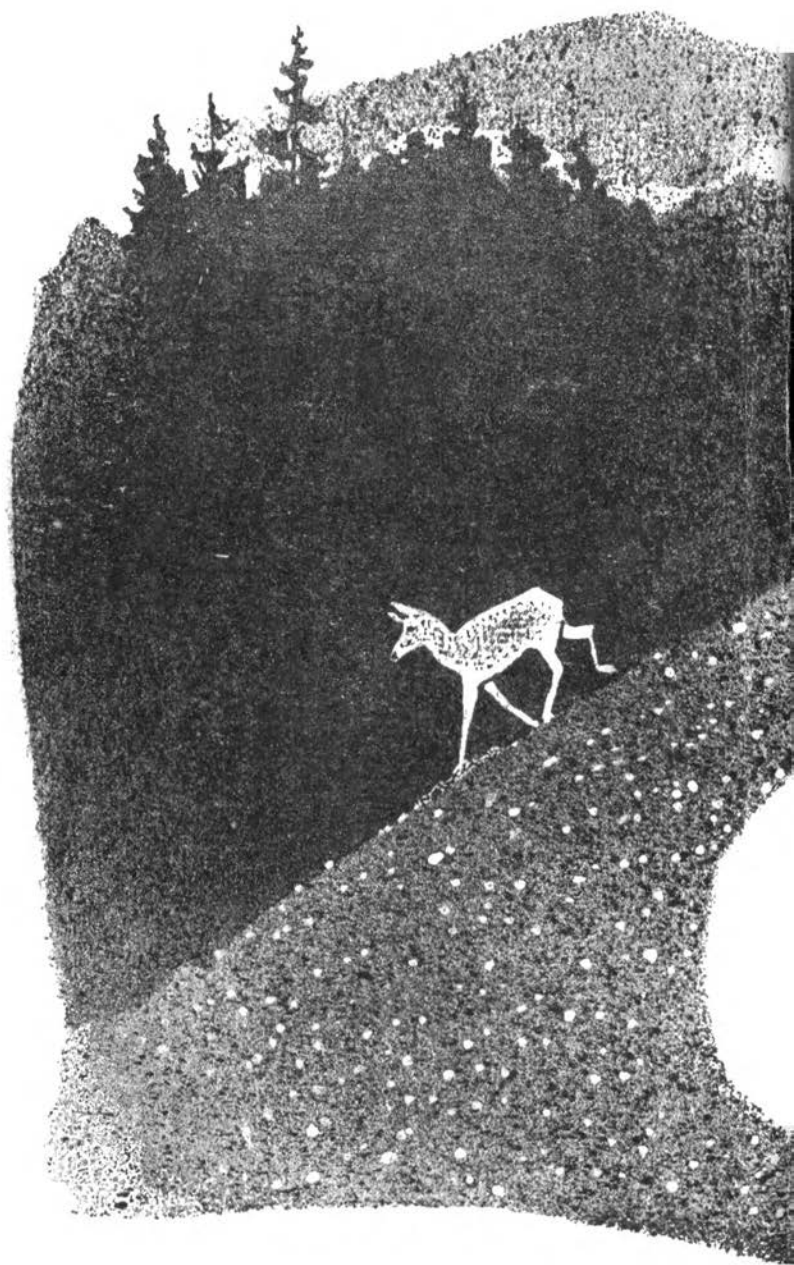

29 коп.

Издательство
„Детская литература“
Москва
1966

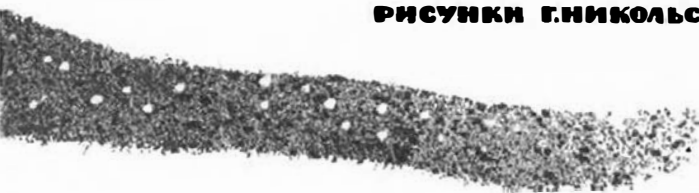

РУДО МОРИЦ
ИЗ ОХОТНИЧЬЕЙ
СУМКИ

РАССКАЗЫ

Перевод со словацкого
В. В. ЧЕШИХИНОЙ

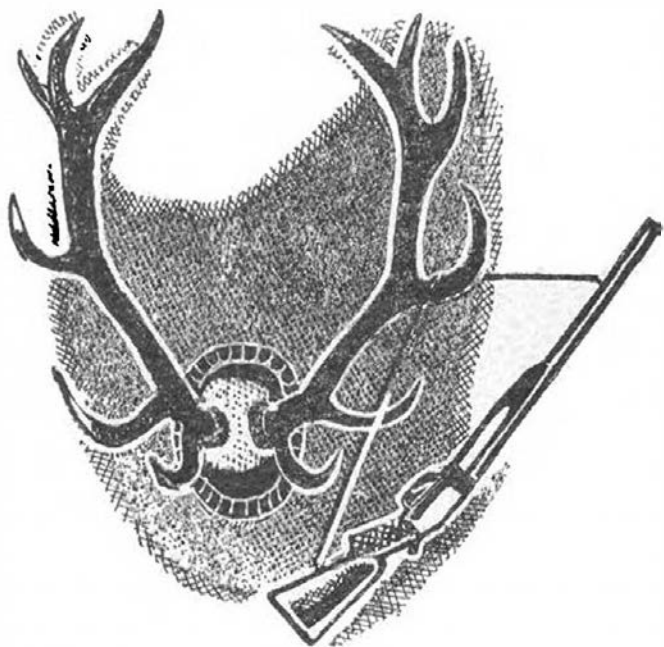
РИСУНКИ Г. НИКОЛЬСКОГО

Главный герой этой книги не выдуман. Дядя Богдан Мюллер в самом деле живет в лесах глухого Кисуцкого края в Словакии. Всю свою жизнь он прожил среди природы, любит и бережет ее как зеницу ока. Он охраняет леса, лесных животных и птиц, словно заботливая мать собственного ребенка. Он один из тех, кто служит порукой, что горы Словакии никогда не превратятся в обнаженные каменистые склоны, что в лесах всегда будет много всевозможной дичи.

Такие люди, как дядя Богдан, — пример для молодежи. Он научил и меня познавать законы и тайны природы. Знания и опыт дяди Богдана помогли мне написать эту книгу. Ему я ее с благодарностью посвящаю.

Kudo Mory

1. ДЯДЯ БОГДАН

Никогда еще не ждал я отпуска с таким нетерпением, как в этом году. И не потому, что в городе от жары размягчился асфальт и я мечтал подышать свежим лесным воздухом. Право же, не в одном этом было дело! Я собирался провести отпуск не только приятно, но и с пользой.

Незадолго до этого я узнал, что в далеких Кисуцких горах, в глубокой долине, живет старый лесничий, который знает природу как свои пять пальцев и замечательно рассказывает удивительные охотничьи приключения... «Вот была бы книжка! — подумалось мне. — О такой только мечтать можно!» Сердце мое просто заныло от желания поскорее послушать этого прославленного, бывалого охотника.

Я написал дяде Богдану — так зовут этого лесничего, — спрашивая, можно ли к нему приехать. Ответ не заставил себя долго ждать. Лесничий писал, чтобы я приезжал: он все равно собирается взять отпуск во второй половине лета и ему по крайней мере будет со мной веселее.

После этого я, как маленький, стал считать, сколько еще ночей остается до отъезда.

Наконец долгожданный день наступил. Скорый поезд мчал меня к верховьям реки Ваг. Мелькали деревни и города, поля и луга, отдаленные холмы. А вот и Ваг. словно цветы дикого мака, краснели здания новых гидроэлектростанций. Потом промелькнула строящаяся «Плотина молодежи», где люди кишели, как муравьи в муравейнике, пыхтели могучие машины, с грохотом проносились вагончики узкоколейки. И снова деревни и городки, мосты и фабрики. Равнины постепенно сменяются горами, которые поднимаются все выше к небу и с обеих сторон подбираются к поезду, словно хотят преградить нам дорогу. Ничего, так и не преградили! Вот и Жилина! Отсюда уже рукой подать до кисуцкого Нового города на берегу зеленоватой реки Кисуцы.

Наконец я в Кисуцах! Присматриваюсь к городу. Белеют новые домики вперемежку с почерневшими от времени деревянными. И новые такие веселые, словно улыбаются людям...

Я смешался с толпой, прислушался к разговорам и стал расспрашивать о том, что мне показалось интересным. Так, между прочим, узнал я и о дяде Богдане, и о том, как до него добраться. Едва я упомянул его имя, как мне прожужжали о нем уши: он, мол, такой замечательный охотник, и даже зверье покорно слушается его, а дядя Богдан прекрасно их понимает. И его участок в лесу — загляденье, такой там порядок. Рассказывая все это, мне показали дорогу в лесничество.

Я зашагал вверх по долине, где проложена узкоколейка и состав из нескольких вагончиков вывозит бревна из Оравской Лесной к Ощадницкой лесопилке. Там где-то в центре долины и стоит, мол, домик лесничего дяди Богдана.

Сперва я бодро шагал вперед, но уже через час был мокрый какмыш. Солнце припекало все сильнее. А лесничества нет и нет. Я снял пиджак, попробовал идти по шпалам, между рельсами, думая, что так будет легче и поскорей пройдет время. Но долине все конца не видно.

На дорогу с обеих сторон наползают высокие горные склоны, словно собираются завалить и узкоколейку, и ручеек, что весело булькает на дне долины. По склонам карабкаются вверх полоски полей, узкие, длинные, как лапша. Ячмень уже сжат, овес, картофель, капуста пока еще не убраны...

Наконец за крутым поворотом показался домик. А-а! Вот он! Наконец-то! Я веселее зашагал по ухабистой дороге.

И вправду это домик лесничего! Точь-в-точь такой, как мне говорили. Стоит он за речкой; не только крыша, но и стены его сверху донизу обиты дранкой.

Под защитой горы, покрытой ельником, — садик.

Интересно, как дядя Богдан меня встретит? И какой он? Так ли выглядит, как я себе представляю, или по-другому?

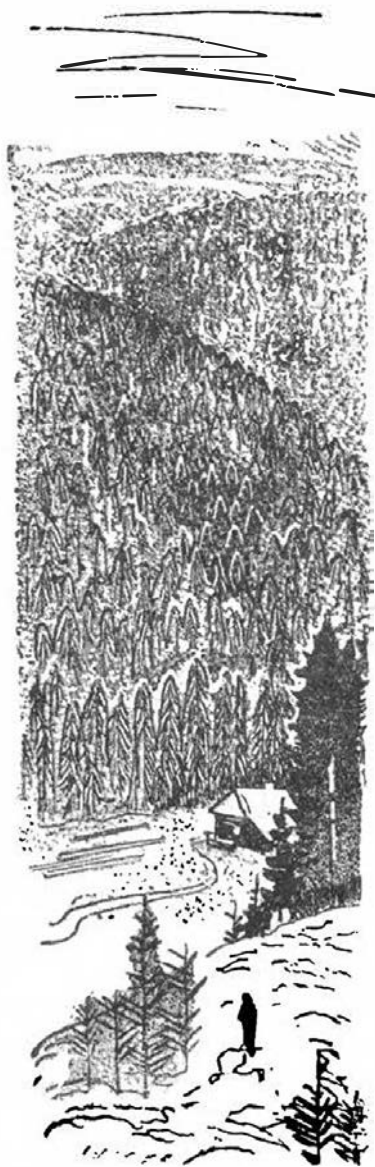
Я перешел по мостику через речку и нажал щеколду калитки. И вдруг... У меня даже дух захватило. Со двора, из-за высокого забора послышался низкий голос: «Оооох, бек-бек-ооо...» Голос колеблется, он то низкий, то чуть повыше.

«Олень! — думаю. — Но ведь еще не пришло им время трубить! До первых морозов далеко! А может, он все спутал в неволе?»

Я постоял, не зная, как быть. Что, если олень бросится на меня? Ведь он меня не знает. Поздно будет бежать, когда он подденет меня на рога!

Долго собирался я с духом, не решаясь войти. По спине бегали мурашки, когда я в конце концов шагнул во двор.

Но напрасно я озираюсь — оленя на дворе не видно. Только у веранды на скамеечке сидит старик с коровьим рогом в руках и водит по нему напильником. Вдруг старик встал, приложил рог к губам и снова послышалось низкое: «Оооох, бек-бек-ооо...»

Значит, я на месте. Это дяди Богдан готовит манок для оленей, а я, голова садовая, струхнул, да так, что душа в пятки ушла. Пристыженный, я вернулся, закрыл калитку и лишь после этого подошел к дяде Богдану.

Он спокойно, ничуть не удивленный, посмотрел на меня. Привык, видно, что к нему люди ходят.

Мы молча постояли друг перед другом. Я даже успел рассмотреть его с головы до пят, сравнил с представлением, которое создалось у меня раньше. Разумеется, я сильно ошибся, вообразив, что увижу дряхлого старика. Дядя Богдан был совсем другой: среднего роста, лицо живое, со здоровым румянцем, весело прищуренные темные глаза. Только усы и веночек волос вокруг лысины уже совсем седые. По глазам сразу видно, что добряк.

— С чем к нам пожаловали? — начал он, первым протянув мне руку, как и подобает хозяину дома. Тут он спохватился, темные глаза его блеснули, и он хлопнул себя по лбу. — А вы не тот самый, что собирался книгу писать... из Братиславы?

Киваю ему в ответ и улыбаюсь — правильно, мол, тот самый.

— Ну, ну, как я сразу не догадался? — говорит дядя Богдан. — Ведь мы ждем вас... Ну, милости просим. Садитесь. — Он усадил меня на скамейку и крикнул в открытую дверь: — Старуха, гость у нас, принеси чего-нибудь закусить! Человек с дороги, горшок простокваши ему не помешает!

А у меня уж слюнки текут: что греха таить — до смерти люблю кислое молоко. Да и пить хочется, язык к нёбу прилипает.

Пока «старуха», или, иначе говоря, тетя Гана, собиралась принести простоквашу, дядя Богдан принялся меня обо всем расспрашивать. Между прочим, спросил, охочусь я по-настоящему или раз в год для развлечения. Я признался, что охочусь редко, — все некогда. Тогда он подмигнул мне и сказал:

— Ну, теперь-то я вас по лесам повожу, наверстаете упущенное. Дома не засидимся, не беспокойтесь! Посадки в лесном питомнике у нас давно закончены, дороги в порядке, лес рубить только осенью начнем, вот я и взял отпуск. Разве что в питомник иной раз заглянуть придется, чтобы женщины ненароком с сорняками деревца молодые не повыдергали.

Тем временем я разглядывал манок для оленей. Нет, ни за что не признался бы я теперь, как здорово меня этот рог обманул. Пожалуй, дядя Богдан обо мне неведь что подумает. Слыханное ли дело, чтобы олени трубили летом!

Так же радушно встретила меня и тетя Гана. Она накрыла на веранде белой скатертью столик, поставила полный горшок простокваши, положила хлеб и кусок масла на листе хрена и

принялась меня угощать. Кушайте, мол, на здоровье, сколько душе угодно, не стесняйтесь.

И я не заставил просить себя дважды.

— А когда они наедятся, отведи их в комнату, пусть там расположатся! — распорядилась тетя Гана.

Дядя Богдан кивнул и нетерпеливо стал ждать, когда я кончу завтракать.

Я отодвинул горшок, дядя Богдан встал и хотел было взять мой рюкзак, но я не позволил. Мы вошли в просторную комнату. Я остановился у двери, и глаза у меня разбежались. Не могу отвести взгляд от сокровищ, которыми полным-полна комната. На всех четырех стенах — охотничьи трофеи. Тут и оленье рога, и кабаньи клыки, и «лиры» горных тетеревов и даже чучела косача и кунницы с белой грудкой. На полу и на стульях разостланы звериные шкуры. Но самым замечательным были девять белых рысских черепов, лежавшие рядом на шкафу.

— Входите же, — приглашает меня дядя Богдан, видя, что я не трогаюсь с места. Он довольно улыбается. Ему, конечно, льстит мое удивление. — А вот в той комнате вы жить будете. — И он показывает мне другую дверь.

И там есть на что посмотреть. На стенах висят коллекции насекомых — жуков и бабочек. Жучки — от крохотного с булавочную головку до огромного жука-оленья, мотыльки — от маленького с ноготь на мизинце до большущей бабочки с пестрыми радужными крыльями с ладонь. На столе пять толстенных альбомов с фотографиями. Я бросил свой рюкзак в угол и уткнулся в них. Животные, жуки, растения — все поймал дядя Богдан своим фотографическим аппаратом.

Ну как оторваться от этого охотничьего музея? А хозяин терпеливо ждет, когда я все рассмотрю, попыхивает трубочкой да иногда двумя-тремя словами что-нибудь поясняет.

Я достал толстую записную книжку. Дядя Богдан прищурился и сказал:

— Предупреждаю: будете записывать — не извольте путать

охотничьи выражения! Если я скажу, что у лисы правило, так не вздумайте написать, что у нее хвост! И подстреленное животное «красит», а не истекает кровью!..

Он предупредил меня, что по-охотничьи олени и косули — «благородная дичь»; дикие кабаны — «черная дичь»; что у хищников не зубы, а «оружие»; тетерев — косач, и не хвост у него, а «веер»; у горного тетерева — «лира»; что охотник стреляет оленю не в бок, а в лопатку. И еще много кое-чего сказал он мне.

Я дал слово писать только так, как он говорит, а не по-своему...

Вот так я и познакомился с дядей Богданом.

А потом моя записная книжка постепенно заполнилась необыкновенными охотничьими историями.

В хорошую погоду дядя Богдан брал ружье, перекидывал свою неразлучную кожаную сумку через плечо, и мы уходили в лес — каждый раз в другие места. Там, в глухомани, где лишь тихо шелестели вершины елей и сосен, дядя Богдан садился, открывал свою сумку, доставал оттуда какую-нибудь закуску и прежде всего угощал меня, приговаривая:

— Ешьте, ешьте! В лесу аппетит вдвойне разыгрывается!

Вместе со съестными припасами дядя Богдан как бы извлекал из сумки свои воспоминания.

Мы сидели дома только в ненастье, когда в долине стоял туман. Дядя Богдан приводил меня в комнату с трофеями, растапливал печку — в сырую погоду у него разыгрывался ревматизм — и принимался рассказывать.

Но сейчас я предоставляю слово ему самому.

Итак, слушайте!

2. НЕОБЫННОВЕННАЯ ПОДРУГА

— Золотой души человек была наша бабушка, — так начал дядя Богдан свой первый рассказ.

Но, должно быть, очень уж у меня было удивленное лицо, и он тут же поспешил объяснить, что общего у его бабушки с охотничьими рассказами.

— Расскажу-ка я вам сперва два случая из своего детства. Тогда вы поймете, как я с малых лет любил животных. Только чуточку терпения наберитесь!

Я понятия не имел, как интересны будут эти истории, и был слегка разочарован. Но кивнул — рассказывай, мол.

— Так вот, золотой души человек была наша бабушка, — начал он снова. — Я только и думал, как бы улизнуть в ее низенькую избушку, что стояла под горой.

Как-то летом — было мне тогда годочков пять или шесть — вздумалось мне слишком рано выкупаться, простудился и слег, так что бабушку очень долго не видел. Выздоровел я наконец и первым делом, конечно, к ней в гости. Обрадовалась мне бабушка, встретила с распростертыми объятиями.

«Вот и хорошо, Богданко, что ты пришел! Смотри, какую подружку я завела!»

Гляжу во все глаза, но в комнате вроде нет никого.

«Бабушка, да где же она?» — спрашиваю.

«Не видишь, что ли?» — И пальцем показывает. А на подоконнике — бабочка-красавица, да какая! Сидит на куске сахара и только иногда чуть-чуть крылышками поводит.

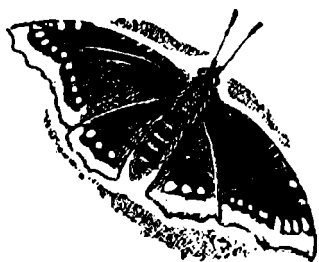
Крылышки — глаз не оторвешь! Бархатистые, темные-темные, почти черные, с золотистой каемкой... Ну, словом, загляденье!

«Из березняка прилетела, вон откуда!» — говорит бабушка. Лесная опушка в окно была видна.

«А что она на сахаре делает?» — спрашиваю.

«Сахар сладкий, вот она и лакомится», — негромко рассмеялась бабушка, и по всему ее лицу морщинки расбежались.

Полакомилась бабочка и давай по комнате порхать. Сперва на шкаф села, потом на стол перед бабушкой. Расправила крылышки, будто бабунку потешить хочет, а они всеми цветами так и переливаются. Бабушка сидит, глаз с красавицы не сводит.

Бабочка посидела, взмахнула крылышками, покружилась еще по комнате и вон вылетела. Бабушка посмотрела вслед и ласково так улыбнулась.

«Завтра об эту же пору опять прилетит», — сказала она и спрятала сахар на полочку.

На другой день я места себе не находил. Послала меня мать после обеда в лес за шишками, а я вместо того сбежал к бабушке.

Вот и время назначенное. Выложила бабушка сахар на подоконник, несколько капель воды капнула. И стали мы ждать.

«Бабушка, а бабушка, может, она не прилетит?» — усомнился я: очень уж мне не терпелось, просто усидеть не мог.

«Вот увидишь, Богданко, прилетит, она каждый день летает», — так уверенно сказала бабушка, что я перестал сомневаться.

И вправду прилетела бабочка!

Опустилась на полочку, потом на занавеску и вот уже сахар сосет.

Бабушка ко мне подсела, по головке погладила. А сама все на бабочку смотрит...

Так мы каждый день поджидали. Бабочка с золотистой каемкой на крылышках стала и моей подружкой.

До поздней осени всегда в один и тот же час она прилетала.

Потом началось ненастье, с гор холодный ветер подул.

И однажды, в дождливый день, мы напрасно бабочку жда-

ли. Не прилетела наша подружка. Бабушка тяжело вздыхала, я чуть не плакал.

«Может, еще завтра прилетит», — сказала бабушка, поглядела в окно, а дождь как из ведра льет. Сказала, видно, чтобы меня утешить, а может, и себя заодно.

Так мы бабочку ни на следующий день, ни вообще не дождались. Но все-таки бабушка только через неделю убрала сахар с подоконника и сказала чуть слышно:

«На зиму, видно, заснула. Не прилетит больше».

Я чуть не разревелся. Зима-то была на посу.

«Бабушка, весной мы опять такую подружку найдем?» — спросил я, прижавшись к бабушке, а она меня поцеловала и головой кивнула. Ну, я и повеселел.

3. БЕЛАЯ МЫШЬ

— А вот еще история, — продолжал дядя Богдан свои детские воспоминания. — Она позже приключилась. Тогда я уже на школьной парте два года штаны протирал...

В то время престольный праздник в деревне был для детворы большим событием. На столе угощение появилось, о каком в другое время мы только мечтать могли, и деревня вся веселилась. Но это еще не самое главное было. На лужайке карусель ставили, торговцы открывали палатки с пряниками да сладостями, по всей деревне слышалось: «Счастье, счастье, купите счастье, люди добрые, судьбу свою узнаете! Дешево, дешево, почитай, задаром! Двадцать крейцеров! Двадцать крейцеров — и свою планиду узнаете!» И шарманка играла жалобную песенку.

Всего занятнее показался мне тогда шарманщик. И даже не он сам. Обыкновенный человек и одет плоховато, нога чудно так вывернута, видно, хромой был. А на шарманке ящичек. Он-то и притягивал меня, как магнит. Из этого ящичка мыши-

ные головки выглядывали. Были это не обыкновенные мыши. Глазки красные, блестят как бусинки, шкурка белоснежная. Купит кто-нибудь «счастье», шарманщик мышам какой-то знак подаст, пробормочет что-то. И тогда одна из мышек зубками голубой или розовый билетик вытаскивает. А на билетике вся судьба твоя предсказана.

«За такую мышку что угодно можно отдать!» — думал я.

Сперва это было просто мечтой, и я ходил за шарманкой по деревне. Ходил, ходил и в конце концов в голову себе забрал такую мышь достать.

Но как? ..

Долго я робел, потом все-таки расхрабрился и спросил шарманщика:

«Дяденька, а сколько такая белая мышка стоит?»

Заросший щетиной шарманщик удивленно посмотрел на меня и сперва промычал с важным видом:

«Ну... гмм...»

Обдумывал, видно, что ответить.

«Дорогая она, дяденька?» — торопил я его.

«Гмм... — И шарманщик покосился на ящикек. — Брату родному не продам меньше, чем за... пятьдесят крейцеров, — медленно, с расстановкой ответил он наконец, а сам так сурово поглядел на меня из-под густых бровей, что у меня душа в пятки ушла. — Гм... такая мышь — не пустяк...»

У меня сердце чуть не разорвалось! Ведь и вправду, такая мышь не пустяк!.. Но целых пятьдесят крейцеров! В те времена еще на гульдену и крейцеры считали... Пятьдесят крейцеров! Куча денег! Я таких в жизни еще в руках не держал.

Отстал я от шарманщика. Тяжко мне на белых мышей глядеть было. Нет, даже мечтать о них не к чему. Да и обедать пора. Мы, дети, должны были за стол вовремя садиться.

Примчался я домой и первым делом — к своему тайнику. Он был у меня в чулане за балкой устроен. Там я хранил все свои сокровища и тряпочку с накопленными крейцерами. Но завернуто в нее было всего-навсего восемь крейцеров. Я знал об

этом, понятное дело, но готов был на все пойти, лишь бы их побольше оказалось. Пересчитал еще раз: а вдруг, думаю, ошибся. Ровно восемь, ни одним больше! Мало! Совсем мало для желаемой покупки!

Сел я за стол на свое место и задумался. А белая мышь с красными глазками передо мной как живая. У меня и аппетит пропал, хотя стояли на столе вкусные-превкусные вещи. Таких в будни нам не давали. «Как достать пятьдесят крейцеров?» — ломал я голову.

На праздник отец обычно дарил нам по двадцать крейцеров на брата. Иногда выдавал деньги уже с утра, а тут и в помине их нет.

Да и все равно мало будет!

С такими мыслями я пообедал.

Отец откашлялся, а мы на него во все глаза глядим. Начнет, понятно, с того, чтобы мы хоть в праздник на голове не ходили. Так и есть! С этого он начал, потом вынул из кармана засаленный кошелек и оделять нас стал: Яно двадцать, мне двадцать и Эвке двадцать крейцеров. Да с таким серьезным видом, будто свое имущество делит.

Закончил он такими словами: «Смотрите, на глупости не тратить!»

А мать добавила:

«Не все транжирьте, отложите кое-что!»

Эти двадцать крейцеров жгли мне пальцы. Мечта купить белую мышь вспыхнула с новой силой. Я сидел как на иголках: скорей бы из дому убежать! Может, что и придумаю?

Яно и Эвке тоже не сиделось. Мы живо на двор выскочили. Яно уже собирался на улицу улепетнуть, как вдруг меня осе-нило.

«Яно!»

Он остановился:

«Ну, чего тебе?»

«Слушай, ты у меня рогатку просил!..»

Он прищурился:

«Ну, просил... А что?»

«Продаю за пять крейцеров... Хочешь, бери...»

Но Яно меня на смех поднял. На пять крейцеров он ого-го сколько закупить может! И давай считать: и патоки, и пряник, и атласные подушечки, и много еще кое-чего. Такая дрянь, как моя рогатка, и двух крейцеров не стоит. Ух, как я разозлился на него за скупость! Потом торговаться стал, а он свое твердит. Оба мы упрямы были — в отца. Делать нечего, в конце концов я согласился отдать рогатку за два крейцера. В другое время и за пятак ее не продал бы. А тут никуда не денешься!

Теперь у меня тридцать крейцеров было!

Забрался я в бурьян за сараем, сижу и думаю, как раздобыть остальные двадцать крейцеров. Думал, думал, ничего не придумал. Так, повесив голову, и побрел на лужайку. И рогатку жалко. За бесценое ведь отдал, поторопился.

На лужайке веселье было в полном разгаре. Ребятишки больше всё около карусели вертелись. Там-то и достал двадцать крейцеров, которых мне не хватало.

Карусель нынче электричество вращает, а в наше время мальчишки сами ее крутили. А делалось это так: пять раз покрутишь, разок прокатишься. Мальчишки и старались, из кожи вон лезли. Поглядел я на них. «Постой-ка, — думаю, — а что если и я попробую, только кататься не стану, а за работу денег попрошу». Ндолго думая пристроился я к тем ребятам, что крутить хотели. Силенок у меня было достаточно. Словом, вскоре я уже ходил по галерее вокруг карусели — вертел ее. Работа нетрудная, завидно только: покрутили ребята карусель — и кататься, сколько полагается, а я — все верчу и верчу.

Пока я работал, все подсчитать успел. Прокатиться на карусели стоит пять крейцеров. Прокрутишь пять раз — разок прокатишься. Значит, чтобы двадцать крейцеров заработать, надо карусель повертеть двадцать раз. Только боязно мне очень было: а что, если хозяин карусели меня прогонит, когда я вместо катанья денег у него попрошу? Но я твердо решил: добьюсь

своего! Не отступлю ни за что на свете! Ох, как трудно оказалось выпросить эти деньги!

«Лучше катайся», — настаивал хозяин карусели, а я ни в какую не соглашался, подавай, мол, денежки. В конце концов он сдался, полез в карман и отсчитал мне двадцать крейцеров. Плевался он при этом и скорее пролаял, чем сказал:

«Вон отсюда, чтоб духу твоего здесь не было! Еще раз на галерею полезешь, кнутом отстегаю!»

А меня и след простыл.

Теперь надо шарманщика найти. Жалобной песенки шарманки не слышать что-то. Нашел шарманщика в корчме у Вайса. Там и состоялась наша торговая сделка. Она так много для меня значила!

Тут-то настоящая история и начинается...

Дядя Богдан улыбнулся, раскурил трубочку и продолжал: — Не стану рассказывать, что дома было, когда я явился без гроша в кармане, но с белым зверьком за пазухой.

«Этакие деньги отдать, и кому? Бродяге какому-то безродному, да за что?» — возмущались мои родители. Долго после того я прятал свою покупку. А мышка сметливая оказалась: просить умела, зубками бумажку, как щипчиками, протыкала. Лишь узнав о ее талантах, отец с матерью простили мне эти двадцать крейцеров. Но я им так никогда и не сказал, во что мне белая мышь обошлась.

Как заботливо я ухаживал за белой мышкой! Все лето она у меня прожила, свободно по дому бегала. Только войду в комнату, а она тут как тут и просит чего-нибудь вкусенького.

Осенью стали собираться в дом полевые мыши. Одна в сенях дырку прогрызла между полом и стеной. Белая мышь эту дырку вскоре нашла и шмыг туда! — в гости к полевой. Они крепко подружились.

С той поры белая мышка частенько выскакивала из норки мне навстречу, когда я в сени входил. Сядет на задние лапки и передние ко мне тянет, ждет подачки. А у меня всегда в кар-

манах что-нибудь для нее припасено: то сахару кусочек, то корочка, то орешки. Сколько одних орехов нарвал я для нее в лесу!

Сяду, бывало, орешек на колено положу, а мышка — гоп! — уже грызет его.

И что же вижу однажды!

Чей-то острый носик из мышиной норки высовывается и блестящие глазки с любопытством смотрят на белую мышку. А та знай себе орешки хрупает.

Чуть шевельнулся я — носик и глазки исчезли в дырке. Но не долго выдержала полевая мышка. Ведь и в норке, должно быть, слышно было, как ее беленькая подружка грызет орешек. Как тут не соблазниться! Выглянула серая еще разок, а там и совсем вылезла. Я сидел смирно, шевельнуться боялся — спугну еще. Но в тот день полевая мышка так и не решилась отойти от норки. На другой день опять я белую мышку угощал. Смотрю — и полевая осмелела, от норки отбежала. Осматривается, а сама настороже — готова, чуть зашумит что, юркнуть в свою норку. Бросил я ей орешек, схватила она его — и к себе утащила.

Через несколько дней полевая мышка так расхрабрилась, что стала ко мне подходить. И всякий раз я ей что-нибудь бросал.

Еще немного спустя стал я орешек себе на колено класть, как для белой мышки. Только полевая мышка долго еще не решалась по штанине взобраться на мое колено, но и от орешка

отказываться ей не хотелось. Вот как-то раз лакомится белая мышка у меня на колене. Вдруг серенькая решилась, взбежала по ноге, орешек схватила и — вниз. Орешек на полу сгрызла. А на следующий день орешек она у меня на коленях съела.

С тех пор, бывало, только скрипну я дверью, обе мыши уже меня ждут. Я угощал их поровну. Они ели на моем колене, из моих рук и даже друг за дружкой по мне гонялись.

Уж не знаю, сколько времени так продолжалось бы. Но у нас в доме слишком много мышей развелось. Мама что ни день жаловалась: опять они в чулане что-то съели. Вот отец однажды и принес кота; тот разбирать не стал, какая мышь ученая, какая нет, серая она или белая, всех до единой пере-ловил. С тех пор меня уже никто больше в сенях не поджидал. А в карманах долго еще орешки лежали, только отдать их было некому...

Дядя Богдан улыбался и весело попыхивал трубочкой. Должно быть, с удовольствием вспоминал детство.

Немного спустя он тихо так сказал:

— Природу я с малых лет любил. Мой это был мир. Я бродил по лесу и то за муравьем, то за жучком или птицей часами наблюдал... А вот завтра, — он лукаво взглянул на меня, — пойдут у нас с вами рассказы настоящие, охотничьи!

4. ОНАМЕНЕВШИЙ ОЛЕНЬ

На другой день мы отправились на Майов пик.

Мы шли по охотничьей тропе, устланной хвоей, словно по ковру. Дядя Богдан отшвыривал в сторону сухие веточки, чтобы я нечаянно не наступил, не зашумел бы. Шли мы молча и только пристально поглядывали по сторонам.

По пути видели мы косулю с козленочком, но прошли так неслышно, что они нас даже не заметили.

На Майовом пике, поросшем высокими старыми елями, дядя Богдан выбрал уютную полянку. На пей мы и расположились.

— С чего же начинать? — спрашивает дядя Богдан и достает из своей кожаной сумки хлеб с брынзой. А мне так и кажется, что он сейчас из нее новую историю достанет.

— С чего вам угодно, дядя Богдан, — отвечаю.

— На первый раз выбирайте сами, — подбадривает он меня. — Не бойтесь, запас у меня большой, о чем хотите, рассказать могу. Бродил я много по лесам, всякой всячины насмотрелся. На прудах в Южной Чехии служил, и о тех местах кое-что рассказать сумею.

Ну, если так, стал я думать, что же выбрать? Обо всем хочется послушать! Об оленях, рысях, косулях или лисицах. Не так-то просто решить.

— Так что же? .. — понукает меня дядя Богдан.

— Ну, хоть... об оленях, — выпалил я и, подумав, добавил: — Или о рысях.

Старик засмеялся.

— С чего-нибудь одного надо. Об оленях, значит... Много любопытного я о них знаю.

— Вот и расскажите все...

— Расскажу, все расскажу, отчего же не рассказать. Только по порядку. Сегодня — об олене, который окаменел.

— Окаменел? — Я просто рот открыл от изумления. — Это сказка, что ли?

Дядя Богдан смеется. Морщинки вокруг глаз собрались.

— Какая там сказка, — говорит, — была самая заправдашняя. — И тут же, словно обидевшись, добавляет: — Не стану же я разные глупости болтать.

Я успокоил его, к слову, мол, пришлось.

Наконец он набил трубочку, закурил и начал:

— Молодой я тогда еще был, служил помощником лесничего в графском имении. Давненько дело было и не в адеших местах... Чудесная в тот год стояла осень. Лес всеми цветами радуги расцветился: буки — золотые, березы — лимонно-жел-

тые, на вырубках рябина огнем полыхает, пихты и ели совсем черными среди пестрой листвы кажутся и такие важные, гордые..

У всякого охотника в такое время сердце замирает: об эту пору олений гон идет.

Однажды вечером граф меня вызывает и приказывает:
«Готовься, пойдем завтра на оленей охотиться».

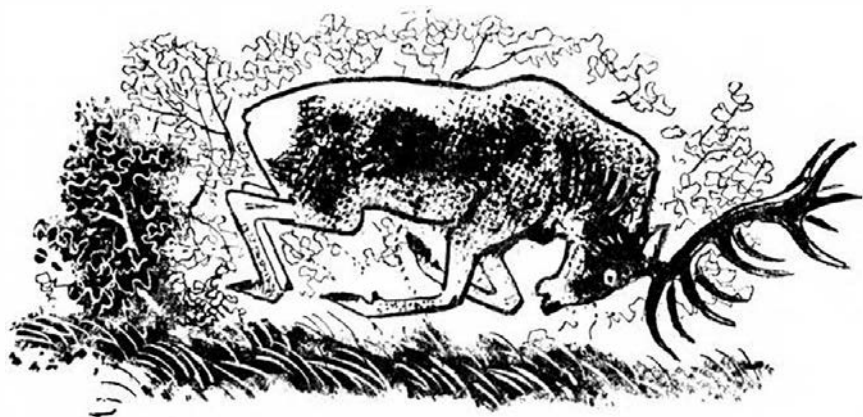
Отправились мы еще ночью. Темно, как в погребе, холод пробирает до костей. Поднялись повыше в гору — там под ногами даже ледок потрескивает.

Как раз ночка подходящая оленям драться.

Поднялись мы на горный гребень послушать хорошенько, как олени трубят. А в ту ночь они то и дело трубили. Мы по голосу самого сильного выбирали. Низко так трубил и громко: «ох-ох-ох-ооо».

Пошли мы на голос. С оленем, должно быть, стадо ланей. А по голосам слышно, что там еще несколько оленей послабее.
«Возьмем его!» — решил граф.

Забрезжила на востоке заря. Определили мы, откуда ветер, чтобы к оленям незаметно подобраться. Пошли очень осторожно. Иногда я в манок трубил, чтобы олень ответил. И вдруг слышим: с другой стороны второй олень трубит, тоже низко,

громко. Значит, два матерых оленя недалеко! Не стал я их подманивать — темновато еще было да и боялся, как бы не почувал нас олень, если очень близко подойдет и на него ветер окажется. А упустить жалко.

Вдруг первый олень отвечает. Вызов, стало быть, на поединок принял.

Мы ждали, что дальше будет. Воинственные вызовы по всему лесу разносились.

Добрались мы до старой вырубki. Там, по голосам судя, должны были олени встретиться. Волиновался я страшно — замечательного зрелища ждал. В голове шумело, в висках кровь стучала. И вправду, подходим к вырубке, а там уже звонкие удары рогов слышны и валежник трещит. Соперники драку начали.

На краю вырубki устроена была высокая сидьба. Влезли мы на нее как можно тише. В предрассветном сумраке открылось перед нами великолепное зрелище — поединок матерых оленей.

У меня захватило дух: впервые такой бой видел. Олени на передние ноги опустили, упираются лбами друг в друга, рога сцепили. Вдруг как вскочат забияки и в разные стороны... Потом голову к земле опустили. Настоящие властелины лесов!

Разбежались... И снова стремглав друг на друга кинулись. Рога так и затрещали. Его сиятельство, как мы называли графа, вскрикнул даже. Испугался, как бы облюбленный им олень рога не обломал.

Трещат сухие ветки под копытами оленей, а те так и на-скакивают друг на друга. То один оттолкнет врага, то другой. Силы-то у обоих, должно быть, равные. Кто победит — пока еще не ясно.

А небо все светлее да светлее. Туман мало-помалу рассеивается, и вырубка виднее стала.

Уже с полчаса поединок тянется. Ключья пены падают из рта соперников, бока ходуном ходят от тяжелого дыхания. Нам слышно даже, как драчуны пыхтят.

«Долго ли они еще будут драться?» — спрашиваю я себя, а самому так хочется подольше этим необыкновенным зрелищем любоваться.

Хотел было один из оленей в сторону отскочить, да как-то оплошал и бок подставил сопернику. А тот только этого и ждал — разогнался и всадил рога в пах врагу. Не мог больше бороться раненый олень. Пена на морде розовым окрасилась. Отступил он на несколько шагов, обороняясь рогами, повернул и ушел с вырубки. Победитель побежал было за ним, но остановился, поднял повыше голову с короной рогов и протяжно, торжествуя затрубил...

Тут граф вскинул ружье, приложился и — бах! Олень вздрогнул. «Попал граф!» — думаю. А олень не шелохнулся. Голова по-прежнему вверх поднята, ноги расставлены.

Что такое?

«Промазал?» — спрашивает его сиятельство, а сам побелел, как снег.

«Нет, — отвечаю. — В бинокль видел, как вы попали».

«Заколдованный он, что ли?» — Граф дрожащим голосом спрашивает.

«Еще раз стреляйте», — посоветовал я, а сам бинокль к глазам поднес, увидеть хочу, что будет.

Грянул выстрел, по лесу эхо разнеслось, а олень как стоял, так и стоит. Но попадания я на этот раз не заметил.

Граф еще больше заволновался. Пальцы дрожат, теперь и в слона не попадет, если еще вздумает стрелять.

«Схожу-ка к нему», — говорю и с сидьбы спускаюсь по пере-
кладинам.

«Не ходи, если живой, еще на рога тебя подымет!» — отго-
варивает меня его сиятельство.

А я пошел все-таки. «Авось ничего не случится, — думаю, —
ружье-то при мне».

Однако как я ни хорохорился, а напрямик через вырубку
не пошел, на всякий случай через чащу пробрался. А то еще
заметит меня, тогда добра не жди. Вышел я снова на вырубку,
а олень на прежнем месте стоит, прикушенный язык свесил.
Набрался я храбрости — и прямо к нему. Ружье поднял, палец
на курке держу. Метров за пятнадцать вижу, по груди оленя
кровь течет, по шерсти скатывается и на землю капает. Уже
порядочная лужица крови набралась. Значит, не живой олень!
Так почему же он стоит? Недолго думая поставил я курок на
предохранитель и ткнул в оленя дулом. А он как стоял, рас-
ставив ноги, с задранной вверх головой, так и опрокинулся
на бок.

Осмотрел я рану. Обе пули в лопатку попали и почти что
рядом.

Граф, увидев, что опасности нет, ко мне подошел, оленя
ощупал и только головой покачал:

«Окаменел, честное слово, окаменел».

Но через час шея животного обмякла, голова с остекленев-
шими глазами опустилась, ноги больше не торчали в воздухе.
Обыкновенный убитый олень, только и всего...

Дядя Богдан сделал вид, будто на этом окончил свой рас-
сказ. Принялся выбивать трубочку, постукивая ею по трухля-
вому пню.

— А что же с оленем стряслось, почему он окаменел? — не-
терпеливо вырвалось у меня.

— Спустя немного приехал к графу какой-то доктор ученый. Рассказал ему граф об этом случае, доктор и объяснил нам загадку. У оленя, мол, после победы в поединке мышцы, как каменные, затвердели от судороги. Первый выстрел пробил сердце, вот смерть и наступила мгновенно. Олень так и остался, сведенный судорогой. Вот почему он «окаменел» на целый час, — пояснил дядя Богдан.

Мы собрались в обратный путь. Дядя Богдан подмигнул мне и спросил:

— Ну, как по-вашему, выдумка или это истинная правда?

— Рассказал бы кто другой, — отвечаю я со смехом, — ни за что не поверил бы.

Старик дружески похлопал меня по плечу.

— То-то. Иной раз мы выдумкой считаем то, чего не знаем.

5. ПЕТЬКА

Я покоя не дал дяде Богдану, пока он в тот же день вечером не рассказал еще один случай с оленем.

Из леса веяло свежестью. У запруды с шумом падала вода. Хорошо было сидеть у ручья под вербой и слушать!

Дядя Богдан сперва завел речь о ручье. Когда он приехал сюда несколько лет назад, в Бистрице почти не водилась рыба. Глубокого места для нее не было. Дядя Богдан устроил запруду, и в ручье с тех пор развелось много форели. Старик явно гордился делом своих рук.

— А теперь я вам о Петьке расскажу, — сказал он, помолчав. — Уже май пришел, когда весенние посадки у нас закончились. Отправился я однажды осмотреть засаженные места. После обхода свернул в молодой ельничек. Отдохну там, думаю.

Но отдыхать не пришлось.

Вошел в ельник и вижу: убитая ланка, а возле нее олененок лежит. Со шкурки его пятнышки красивые еще не сошли. И жалобно так мекает.

У меня сердце сжалось.

Осмотрел я ланку. Пуля угодила ей в живот. Околела ланка, должно быть, что-нибудь около полуночи.

И сомневаться нечего: браконьеры!

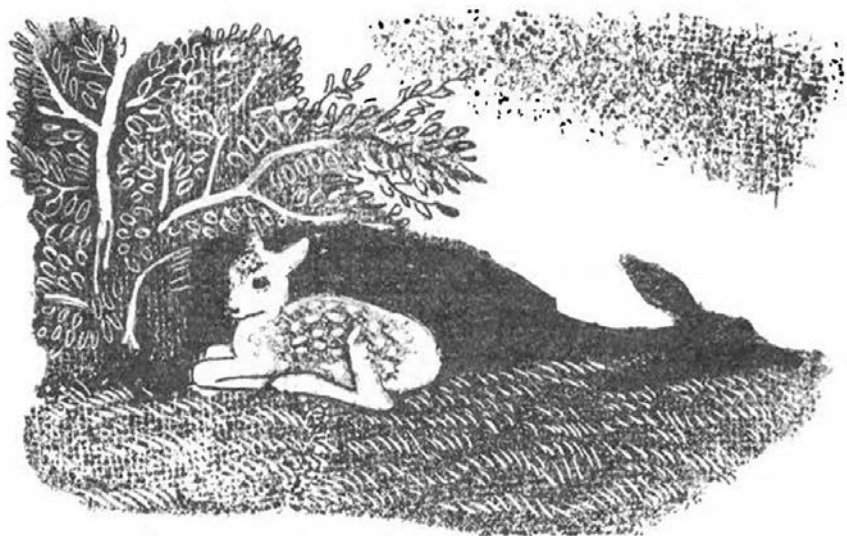
Поверите ли, выругался я, сдержаться не мог.

Олененок не шевелился. Только попискивал.

«Наверное, проголодался ты, бедняжка», — сказал я ему. А он пищит еще жалобней, словно мне поддакивает. Взял я его на руки и айда с ним вниз, в долину. Путь шел мимо питомника. Туда собирался ненадолго зайти: женщины готовили рассадку на следующий день.

Положил я малыша среди трехлетних слочек, не успел отойти, а он вскочил на тонкие ножки и за мной побрел. Пошатывается от слабости, еле ноги передвигает.

Не стал я задерживаться в питомнике. Дома, в лесничестве,

детишки олененку страшно обрадовались. Крик на весь дом поднялся. Ребята готовы были хоть сейчас затеять с ним игру.

«Погодите, дети, — говорю, — он ведь голодный! Накормить его сперва надо».

Налил я в бутылку молока разведенного, соску насадил. Стал олененок молоко пить и выпил все до капельки.

Когда я вынес сытого олененка в сад на солнышко, прибежал мой старшенький, Каролко.

«Папочка, — говорит он, — давай назовем его Петькой!»

Я не спрашивал, почему детишкам так оленсика назвать вздумалось. Согласился. Кличка эта так за ним навсегда и осталась...

У Петьки прибывали силы прямо не по дням, а по часам. Никого он не боялся, позволял себя гладить, за нами по пятам бегал. Привык он ходить на кухню и, заведя издали бутылку молока, бежал к ней. А как хорошо свое имя знал!

И с моим охотничьим псом Ериком Петька сдружился. Ели они вместе. Петька — овес, Ерик — свою еду. Иной раз олененку захочется собачью еду попробовать, умный Ерик посторонится и подпустит Петьку к миске. Лизнет олененок разок другой и к своей кормушке отходит.

Шло время, белые пятнышки на шкурке Петьки пропадать начали. мех его стал красивый, рыжевато-коричневый.

Превратился Петька незаметно из олененка в молодого оленя, начал за мной в лес ходить. Мы с Ериком на куропаток охотимся, а Петька на лужайке пасется. Пойдем дальше, Петька за нами бежит. Остановимся, Петька на новом месте пасется, а нас все-таки из виду не упускает. Сяду я слегка перекусить, а Петька ко мне уже галопом мчится. Для него я всегда краюшку хлеба с солью прихватывал. Какое это лакомство для Петьки было! И еще одно ему очень нравилось. Любил я после еды закурить. Я курю, а олень глаз с сигары не спускает, ждет терпеливо, пока я окурочек в траву брошу. Потом еще подождет, пока огонек погаснет и — цап! Окурочка как не бывало!.. Не смейтесь! Очень любил Петька табак. И другие животные его

любят, вы это еще увидите!.. Так вот, угощу его сигаретой, и он долго потом облизывается.

На втором году выросли у Петьки рожки, а еще через год — разветвились. Время шло, и выросли у него могучие рога, отливающие перламутром.

И он, честное слово, свою силу понимал. Все чаще и чаще убегал в лес один, бродил там, но под вечер всегда домой возвращался. А когда я из дому уходил, находил меня в лесу по следу и всегда получал от меня угощение: то хлеб с солью, то сахару кусочек.

На третий год к осени стал Петька очень раздражительным, озорным, ничего в покое не оставлял. То копну сена на лужайке разворошит, то на муравейник в лесу накинется, рогами его бодает.

Я понимал, что с ним происходит: близилось время оленьего гона.

«Лишь бы он на людей не вздумал кидаться», — озабоченно говорила мне жена.

«Не бойся, он людей любит», — успокаивал я жену, а сам в душе все-таки сомневался. Что, как чужого человека в лесу встретит? Плохо тому, пожалуй, придется!

И однажды осенью Петька с прогулки не вернулся. Все мои домашние места себе не находили, высматривали, не бежит ли он. А Петька ни завтра, ни через неделю не объявился и даже через месяц не пришел. Часто я уходил в лес с надеждой, что встречу его. Но зря я надеялся. Петька будто сквозь землю провалился. Я и соседних лесников спрашивал, может, они такого оленя видели. Никаких следов! Только один лесник — с четвертого участка, помнится, — сказал мне как-то, будто видел большого оленя с ветвистыми рогами. С таким доверчивым оленем, мол, в жизни не встречался. Олень подошел к леснику почти вплотную и совершенно спокойно ушел.

«Это был наш Петька!» — воскликнул я...

Надеялись мы всё, что вернется Петька после гона. Разве плохо ему было у нас?

Но он так и не вернулся. . .

Я думал, что рассказ дяди Богдана на этом окончен, а он, помолчав немного, продолжал:

— А ведь я с ним еще раз повстречался, летом следующего года. Иду я, задумавшись, по лесной тропинке, и вдруг мне кто-то дорогу заступил. Вздрыгнул я, смотрю — олень! Я сразу его узнал.

«Петька, Петька!» — зову. А он навстречу мне шагнул, остановился, ждет. Я давай поспешно все карманы ощупывать, петли угощения какого-нибудь. Если нет ничего, собственным обещанием угощу! Петька с удовольствием хлеб съел, о мою щеку мордой потерся, словно поблагодарил, и прочь пошел. Похлопал я его по спине и говорю:

«Петька, а ты со мной не пойдешь?»

Он голову вскинул, даже грива на шее заходила, шагнул прибавил — и в лес.

Я ему кричу: «Петька, Петька, не уходи!» — а он и ухом не ведет. Голову задрал, только ветвистые рога по веткам постукивают. Гляжу ему вслед, вот-вот он из виду скроется, а сам чувствую: уносит этот рогач частицу моего сердца. . .

Дядя Богдан помолчал, вздохнул и добавил:

— С той поры никто его не видел. Может, участь матери и его постигла.

Мы еще долго сидели молча, слушали шум падающей воды.

Стемнело, на небе засверкали звезды. Стоял чудесный вечер, полный лесных запахов.

— Хорошая будет завтра погода, — заметил наконец дядя Богдан, поглядев на небо. — Пойдем на Острый пик.

— Откуда вам известно, что день завтра погожий будет? — спросил я.

Я ведь знаю, что в горах трудно погоду заранее предсказать. И не думаешь, а ливень как из ведра хлынет.

— Угадать не трудно, — отвечает с улыбкой дядя Богдан. — Если все три дороги Млечного Пути видны и звезд на небе полно, непременно день ясный будет. . .

... В комнате я все записал в свою книжку и лежа в постели уже заранее радовался, что завтра будет хорошая погода и я услышу новый рассказ.

6. РАЗБОЙНИК

И в самом деле, следующее утро выдалось отличное. Кристально-прозрачный воздух, с Острого пика далеко-далеко, до самой Оравы, видно, и вершины Малой Фатры кажутся совсем близкими.

Здесь, на Остром пике, дядя Богдан опять раскрыл свою кожаную сумку и извлек оттуда еще один рассказ.

— На оленьи бои я хожу часто, — начал он. — Во всей округе нет удобнее места для этих боев, чем наш Острый пик. Издалека приходят сюда олени к стадам ланок. Здесь лучше всего узнаешь, сколько на участке оленей и не объявился ли какой-нибудь разбойник с изуродованными рогами. А такие в охотничьем хозяйстве не нужны, они все стадо могут перепортить. Хуже нет, если на участке окажется старый олень.

По выражению моего лица лесничий догадался, что я не понимаю, к чему он клонит речь.

— Поясню вам сейчас. Такие старые олени бывают очень злобными. Они, можно сказать, вредные животные! Право слово, так! К примеру, красавец олень с восемью парами отростков на ветвистых рогах с годами становится чистым бедствием. Что ни год, рога его делаются все хуже, отростков остается все меньше. Приходит время, когда на его голове торчат не то вилы, не то крепкие заостренные пики, и превращается он в страшилище для остальных оленей! Только и ждет, не затрубят ли олени, и в ту сторону мчится. Ему не до ланок, он лезет прямо в драку. А ведь бой-то неравный! Подумайте только, устоит ли молодой олень, у которого рога, что твоя корона, пе-

ред старым разбойником с острыми, как кинжал, рогами. Конец всегда один: молодой олень гибнет.

Ну, так вот. Приехал я в эти места, и пришлось мне в первый же год такого бандита уничтожить. . .

Дядя Богдан прервал свой рассказ. Он встал, прошелся по мягкой лужайке, словно воскрешая эту историю в памяти. Я нетерпеливо грыз травинку. Наконец он слова сел и продолжал:

— Обходил я как-то лес и наткнулся на мертвого оленя. Он был весь исколот, будто решето. Должно быть, пришел сюда к ручью, чтобы раны остудить, да тут и дух испустил. А по ранам догадаться было не трудно: на участке завелся олень-разбойник.

Поднял я тотчас же на ноги остальных лесничих. И началась погоня за незванным гостем. Но куда там! Такого старого пройдоху не сразу разыщешь. Места, где у оленей по ночам шли жестокие драки с этим разбойником, мы находили. На мушку же поймать его было куда труднее. Четыре жертвы этого бандита мы уже насчитали, а он всякий раз от нас уходил. Бродит то по одному склону, то по другому, места меняет и все бесчинствует. Не раз на сидьбе по ночам мы его басовитый трубный голос слышали. Но пока дойдем, разбойника и след простыл!

Я лопался от злости. Не настигнем его — половину оленьего поголовья на нашем участке потеряем. Дома я даже разговаривать со своими перестал, на всех исподлобья смотрел, так что меня стороной обойти старались.

И все-таки расправился с этим негодием.

В половине октября дело уже было. Выбрал я место для засадки вот на этой стороне, у большой лесосеки. По одному ее краю старый дремучий бор, по другому — пихтовый и еловый подрост. С высокой сидьбы вся вырубка видна как на ладони.

Жду-пожду. Ни один листок не шелохнется. Тишина. Долго ждать пришлось. Наконец появилась на вырубке косуля с двумя козлятами. У матери был еще летний мех, а молодые уже

обросли серой зимней шерсткой. Природа-то, знаете, печется о созданиях послабее.

Паслись косули спокойно, а я этой красивой картинкой любовался.

Вдруг вижу на верхнем конце вырубки из чащи ланка выходит. Постояла неподвижно, словно изваяние, всматривается, нет ли опасности. Старая, значит, была, вожатая. Вышла, а за ней еще вторая с олененком. Пасутся обе оленьи семейки, ощищивают побитые морозом листья раkit, чертополох, травку.

То одна ланка, то другая вдруг замирает, подняв голову, и все в чащу поглядывают, откуда они вышли. За ними олень идет — догадался я сразу. А он и вправду вскоре на вырубку вышел. Молодой, с пятью парами отростков на рогах — прекрасное животное! Я долго не мог от него глаза отвести.

Уже смеркаться начинало.

«Что он сделает, если поманить его?» — подумал я, приложил коровий рог к губам и тихонько затрубил. Олень голову поднял, в мою сторону поглядел. Протрубил я еще разок. Он ответил мне низким голосом.

Я был рад-радехонек, что он откликнулся. По голосу слышно, что таким оленем любой лесничий может гордиться.

А на выручке уже почти стемнело. Решил я спуститься с сидьбы. И вдруг — треск сухого валежника.

Кто это? Любопытство меня разобрало. Я так и застыл на сидьбе. Думаю: наверное, еще один олень на мой манок вышел.

А треск все громче да громче.

«Каким же этот олень окажется?» Волнуюсь, жду.

Все больше темнеет. В бинокль уже еле видна лесная опушка. Откуда олень выйдет?.. Вдруг моя рука с биноклем замерла. На опушке старого бора стоит олень! Да какой! Я собственным глазам не поверил! Чудище! Старый разбойник! Брюхо впалое, сам поджарый. Поглядел я на голову — и сердце забилося. С одной стороны на голове — вилка, с другой — острие,

как меч, торчит. Да ведь это тот самый бандит! Видно, на звуки манка пришел, чтобы соперника убить.

Стоит на месте и высматривает: где это тут олень трубил?

«Что делать?» — думаю. Темно, мушки почти не видно, а случай редкий. Решил я стрелять.

Бац! — выстрелил я, почти не целясь, скорее наугад.

«Попал или нет?» — думаю, а сам уже иду к месту, где разбойник стоял.

На листьях капельки крови видны. Издали треск и шум доносится. В ту сторону, значит, раненый разбойник побежал.

Идти за ним?

Темнота на лесосеке вовсе сгустилась, в лесу черным-черно. В такую ночь все равно ничего не сделаешь, разве что нос расквасишь о какой-нибудь пенек. Я заломил еловую веточку для памяти и ушел домой.

И, признаться, всю ночь глаз не сомкнул.

Утром, еще затемно, я с псом Ериком был уже на вырубке. Когда совсем рассвело, отправились мы за оленем по кровавым следам. Капли крови виднелись справа и слева от следа. Значит, разбойник навывлет ранен. Далеко уйти не мог.

Я Ерика по следу пустил, а сам за ним. Собака нос от земли не отрывает и только поводок дергает. Так вперед и рвется.

Пока олень среди деревьев пробирался, идти по следу легко было. Хуже пришлось, когда след привел к обрывистым горным склонам. С них трудно спускаться, а свежие утренние следы как раз вниз и вели. Только молодец мой Ерик! Его не проведешь.

Вдруг он стойку сделал. Бока ходуном ходят, ноздри раздуваются.

Значит, олень близко тут где-то!

Так и есть! Он лежал в густом кустарнике, но еще живой! Увидел нас, вскочил и прочь побежал.

«Э, негодный, ну и живуч ты!» — мелькнуло в голове.

Я живо отстегнул поводок и кричу Ерику:

«Ерик, Ерик, за ним!»

Огромными прыжками бросилась собака к оленю, и оба исчезли из виду. Вскоре послышался веселый лай Ерика. Я побежал на голос. Рубашка к телу прилипла, шляпа слетела с головы, а я мчусь что есть духу. Ерик уже на одном месте лает.

Собаку я издали приметил, а оленя — нет как нет. Подбежал я ближе, свернул в сторону. Да вот он! В болото забрался. Ноги расставил, голову к земле опустил и рога острые выставил — к бою готовится. Того и гляди, на Ерика бросится.

Вскидываю двустволку к плечу — трах-трах! — прямо на бегу стреляю.

Разбойник медленно опустился на колени и как подкошенный грохнулся в болото. Ох, и ламаюсь я, пока его из трясины вытащил.

А рога? Это те самые, что в комнате прямо над дверью висят.

Долго после этого у нас на Остром лике не показывались такие разбойники.

7. ОЛЕНЬ В ШАПОЧКЕ

— То, что я вам сейчас расскажу, пришлось мне видеть только раз в жизни. — Так начал дядя Богдан свой последний рассказ об оленях. — Лет тридцать назад дело было.

Возился я однажды в своем садике. Вдруг бежит один из моих лесников, Кашка по фамилии, еле дух переводит, пот градом катится по лицу.

«Господин лесничий, господин лесничий! . . — заикается он. — Я оленя в шапке видел!»

«Да полно тебе глупости болтать! Черт рогатый тебе померещился, а не олень в шапке», — отвечаю, подсмеиваясь над перепуганным лесником. Ведь и вправду, слыханное ли дело — олень в шапке!

Кашка принялся уверять меня и божиться, что среди елового подроста видел оленя с какой-то шапкой вместо рогов на голове.

«Я сбегал следы посмотреть. А они большущие, величиной с коровья», — немного отдышавшись, рассказал лесник.

Никак в моей голове не укладывалось, что на свете какой-то олень в шапке объявился. Но Кашка не любил зря языком трепать. А может, все-таки доля правды тут есть?

«Откуда такое чудовище к нам забрело?» — думаю.

Дело поздней осенью было, перед самым гоном, а в эту пору олени с места па место кочуют. Ну, и этот, если он только Кашке не померещился, должно быть, к нам откуда-то пожаловал. Ведь я все охотничье хозяйство знал как свои пять пальцев.

Немедля отправился я в контору. Спрашиваю, что с таким уродом делать. Он мне всех оленей перепортит! . . В конторе решили тут же облаву на оленя в шапке устроить.

Я стрелков привел, а Кашка загонщиков собрал. Отправились мы на то место, где это чудо лесник видел. Пришли туда еще до полудня.

Ветер дул в нашу сторону, и олень учуять нас не мог.

Расставил я стрелков, а лесник загонщиков отвел по местам. Сделать все надо было осторожно, бесшумно, чтобы добыча из западни не ускользнула.

Я выбрал себе место повыше ручья, где, по-моему, олень едва ли мог пройти. Пусть, думаю, господа из конторы постреляют.

Затрубил я в рог, и облава началась.

День был прекрасный, на небе ни облачка, солнце палило безжалостно.

Загонщики где-то впереди лесные заросли прочесывают. Я устроился под высоким буком, ружье к дереву прислонил, а сам на траве растянулся. Ведь олень все равно сюда не придет.

С полчаса, должно быть, прошло. Вдруг слышу топот. Что такое? Приподнимаюсь на локте и смотрю в сторону ручья, откуда шум послышался. Никого нет. Только косуля с двумя козлятами через ручей перешла. Пробежали они — и снова тишина...

От скуки стал я смотреть на пеструю бабочку павлиний глаз. Она села на камень поблизости, разложила крылышки, в солнечных лучах купалась. Прошло еще с полчаса.

«Должно быть, это чудище мы так и не увидим, — подумал я, теряя надежду. — Прошел где-нибудь стороной, пока мы сюда по горам карабкались».

Закурил я сигарету — ветер-то все еще на нас дул, — сижу и все об этом необыкновенном олене думаю. Что же может быть у него на голове вместо рогов?

И тут слышу, где-то близко валежник хрустнул.

«Зверь не малый, должно быть», — думаю.

По звуку уже понял, что это только олень может быть, ничего больше.

Мертвая тишина.

Встал я бесшумно, ружье приготовил, прислонился к буку и жду.

А треск все ближе.

Глаза у меня, того и гляди, из орбит выскочат, так бы чаще взглядом просверлил.

И вдруг, откуда ни возьмись, на звериной тропе показался сильный, высокий олень. Великан настоящий! И — вот так чудеса! Тот самый, олень в шапке! На голове у него и вправду что-то вроде шапочки!

Разглядывать его было уже некогда. Вскидываю ружье — только курок нажать осталось. А олень остановился за деревьями и по сторонам смотрит. Сердце у меня стучит, словно олень копытами. Я стою затаив дыхание. . .

Наконец тронулся с места необыкновенный олень и прямо в старый бор. И все озирается, видно, загонщиков учуял. Тут я его и уложил. Он рухнул на землю сразу, после первого выстрела.

Бегу я к нему, да и остальные охотники ждать не стали на своих номерах, когда выстрел слышали.

«Вот великан!» — ахали все.

И в самом деле! По зубам судя да по впалому животу, олень могло быть добрых пятнадцать лет.

Принялись мы шапочку его необычайную рассматривать. Это была, пожалуй, даже и не шапочка, как издали казалось. Вместо рогов выросли у оленя какие-то тарелочки. Они спускались почти на глаза. По краям вроде кружевные и будто перламутром отливают. И впрямь, случай необыкновенный, ну просто небывалый!

— Но как же так, дядя

Богдан, вместо рогов тарелочки какие-то? — умирая от любопытства, спрашиваю я.

— Дело так, должно быть, получилось: видно, драчун страшный этот олень был. Когда рога сбросил, налетел, наверное, головой на что-нибудь очень твердое да и повредил то место, откуда рога растут. Знаете, такие шишки на голове... Вот настоящие рога больше расти и не стали, а только такое чудо.

Я кивнул головой — понятно, мол.

А дядя Богдан кончил свой рассказ так:

— Обрадовался я своей удивительной добычей. Больше всего меня трофей мой радовал — эти самые тарелочки. Повешу их, думаю, в комнате, вот глазеть люди будут! Но зря я размечтался. Управляющий ко мне пристал: «Вы еще такого встретите». Вы, мол, молоды, да то, да это... А в те времена, если господа заберут что себе в голову, так уж...

Дядя Богдан только рукой махнул, словно отгонял от себя воспоминания о старых временах...

— С той поры напрасно я ищу такой трофей для своей коллекции. Ведь олень в шапочке не каждый день встречается.

8. ЗВЕРЬ, КОТОРЫЙ НИ С КЕМ ДЕЛИТЬСЯ НЕ ХОТЕЛ

— А теперь об этих рысях, дядя Богдан! — пристал я, стоя у шкафа, на котором лежали рядом девять рысских черепов.

Дядя Богдан смотрит на черепа, потирает рукой подбородок — раздумывает, очевидно. Потом берет череп с пометкой «1951 год».

— Это самый интересный случай. — И дядя Богдан стучит по белой кости. — О нем я вам и расскажу.

Старый продавленный диван скрипнул, я придвинул к нему ближайший стул. И дядя Богдан начал свой рассказ:

— Однажды обходил я охотничье хозяйство и дошел до са-

мых Шудовых выгонов. Тамошние крестьяне пасут там скотину все лето. Только я появился, как пастухи кричат мне что-то и к себе манят.

«Что вам, ребята, надо?» — спрашиваю.

«Дядя Богдан! — закричали они наперебой. — На этом холмике мы дохлую лису нашли!»

Мало ли отчего лиса околеет может. Поэтому я только рукой махнул. Меньше одним разбойником на участке, только и всего. Лишь спросил у мальчишек, что они с ней сделали.

«А чего с нею делать? — скалятся озорники. — Бросили там, где лежала, ведь в ней уже черви завелись».

Обо всем этом я тотчас же позабыл, но через несколько дней пастухи сказали мне, что снова дохлую лису нашли.

«Вон там, в ярочке лежит», — указали они в лощину.

Тут уж я призадумался: отчего это лисы вдругдохнуть стали?

«Покажите-ка мне ее!» — попросил я ребятишек. Они охотно отвели меня к ручью.

Это была давно околевшая старая лиса.

«Что с этими рыжими разбойницами творится?» — ломал я голову по пути к дому.

Потом я решил, что на этих двух лисицах свет клином не сошелся. Их на территории хозяйства невесть сколько бродит. Без них благородной дичи легче жить станет. Вот я и выбросил из головы этот случай. Но ненадолго.

Примерно через неделю пришел ко мне лесник Кашка и говорит, что опять на выгонах дохлую лису нашли.

Я так и прдскачил.

«Что за чертовщина! Мор на них напал, что ли?»

Спрашиваю у Кашки:

«Послушайте, Кашка, а это не та ли лиса, что мне уже показывали?»

Лесник отвечает: не та, мол, эта у дороги лежит.

Теперь уж я о лисицах забыть не мог. К тому же в это время и охотничья газета как раз писала, что среди дичи бе-

шенство стало распространяться. Может, оно и в наших лесах объявилось и первыми лисы заболели? Велел я пастухам, если они еще дохлую лису найдут, сразу же ко мне ее принести.

Дай, думаю, поплю-ка ее в город на исследование.

И двух недель не прошло, как мальчишки и вправду только что оковевшего лиса ко мне притащили. Говорят, нашли в Брговом ручье, неподалеку от польской границы.

Наконец-то узнаю я, почему лисы гибнут!

Осматриваю лиса, но ничего подозрительного не нахожу. Глаза проверил. Нет, этот лис, конечно, не от бешенства погиб. И тут вдруг заметил, что шерсть на затылке лиса слиплась. Раздвигаю шерсть. А-а, вон она, причина! Четыре следа от острых клыков! Вот оно что! Какой же дьявол лисиц душит? Кто это может быть?

Сколько ни ломал голову, ответа на вопрос нет как нет.

Все лето не мог я загадку разгадать. Очень меня угнетало, что лисы одна за другой гибнут. . .

В конце концов раскрыть эту тайну нам все-таки удалось.

В начале осени у нас в лесу старый олень-драчун объявился. Мы хотели поскорее застрелить его. Оленьи бои были в полном разгаре. Поэтому он мог причинить большой урон оленьему поголовью.

Тогда-то я устроил засаду на Волчьей Вершине, где оленья-разбойника видали много раз.

Передо мной была старая, сильно заросшая лесосека. Листья на деревьях и кустарнике пестро расцвелись, и золотого цвета было больше всего. Это пока солнце высоко стояло. Зашло солнце за высокие горные вершины — золото погасло и вырубка потемнела. А об олене ни слуху ни духу.

Подумывал уже я уйти, да внизу в лощине зашевелилось что-то. Смотрю в бинокль — так и есть: олень. Но за ракитой головы не видно было, не поймешь, что за олень. Наконец он поближе подошел. Вижу — тот самый. Его-то я и ждал. Рога на голове книзу потолще, а на концах гладкие и острые, будто кинжалы.

Прицелился я, выстрелил.

Прыгнул олень как-то судорожно и исчез в узкой расщелине, заросшей высокими кустами бузины и лопухом. Пришел я туда, вижу: следы крови олень оставил. Кровь темная, значит, попал я в печень, олень далеко не уйдет. Отметил я сложенной веткой место, куда олень прыгнул, и домой ушел. Приду за ним завтра.

На другой день позвал я с собой на Волчью Вершину Кашку и еще одного лесника.

Стали мы лес осматривать.

Через полчаса промокли от росы по пояс, но оленя-подранка так и не нашли. Однако не хотелось нам от своего трофея отказаться. Не провалился же он сквозь землю!

Продираюсь я через мокрые кусты и вдруг слышу на вырубке страшный визг, рычание чье-то...

«Что там такое?» — думаю я и никак не могу в толк взять, что это за страшные звуки.

Где-то далеко в стороне выстрел прогремел.

«С оленем, значит, покончено», — решил я и успокоился. Но интересно бы узнать, что на вырубке делается? Я быстро взобрался по крутому склону. А рычание и визг все яростней, слышны в них боль и злоба. У меня мурашки по телу побежали, в жизни такого я не слыхивал. А любопытство меня так вперед и подгоняет.

Выбегаю на небольшую полянку и вижу удивительную картину: рысь с лисицей дерется.

Катаются по земле, рычат. То пятнистая темно-серая рысь очутится внизу, то рыжая лисица.

Только этой пятнистой кошки на участке не хватало!

Ударил я из двустволки дуплетом, и соперники остались лежать на земле. Подошел я и вижу: рысь все еще держит зубами лисий затылок. Лиса же во время схватки перегрызла сухожилия на задней лапе рыси.

Осмотрел я внимательно раны на шее лисицы, и тайна гибели лис в нашем лесу открылась. Из следов от четырех острых рысских клыков еще кровь сочилась.

Разложили мы костер у ручья, чтобы обсушиться, а лесник Кашка ходит вокруг мертвой рыси и ворчит:

«Ну и жадная тварь! Все хотела себе забрать!.. Но шуба у этой негодницы красивая!»

Прав был Кашка. Ведь рысь потому душила лисиц, что хотела быть единственной хозяйкой на участке. Не терпела, значит, чтоб и другие хищники на ту же дичь, что и она, охотились.

— Вот и попала сюда! — сказал дядя Богдан, показывая на шкаф.

9. СМЕТЛИВАЯ ЛИСА

Несмотря на свои шестьдесят лет, дядя Богдан ходил так быстро, что я едва поспевал за ним и при этом весь обливался потом. Поэтому я очень обрадовался, когда он остановился у ручейка и сказал:

— Ну вот, мы и пришли.

Ведь он сегодня обещал привести меня туда, где пасется и приходит на водопой благородная дичь.

По одну сторону долины шумел старый словый лес, по другую виднелась вырубка, на которой кое-где тянулись ввысь буки-семенники. Островками краснел цветущий иван-чай, а ниже, у ручья, благоухал золототысячник.

Мы сели под кустиком. Поток бешено прыгал по крупным камням и громко журчал.

Пришлось подождать. Солнце было еще высоко, и на вырубке сильно припекало. В такое время благородная дичь лежит где-нибудь в тенистой чаще и выходит оттуда на водопой только по холодку.

По мере того как солнце садилось за горный кряж, на вырубке менялись краски. Искрившаяся в солнечных лучах зелень потемнела, стала бархатистой, а ярко-красные островки иванчая приобрели лиловатый оттенок.

Вскоре на вырубке показались те, кого мы так долго ждали.

Неподалеку вышла косуля с двумя козлятами. Они неуклюже перебирали слабыми тонкими ножками, с трудом пробираясь через толстый слой валежника.

С противоположной стороны вышла целая оленья семья и даже с оленем во главе.

Приятно было видеть, как эти красивые животные с аппетитом щиплют с кустиков листья, чертополох и траву. Я глаз от них не мог оторвать.

Тени легли уже на всю вырубку, ближе к чаще стало совсем темно.

— Вот полюбовались мы ими, теперь можем идти, — шепчет мне на ухо дядя Богдан.

Но мне не хотелось уходить, и я попросил еще немножко подождать.

И тут вдруг неподалеку от нас послышалось слабое ворчание. Оно тотчас же смолкло, наступила тишина. И снова те же звуки. Мы насторожились — что это могло быть?

Я смотрю во все глаза и вдруг вижу: откуда ни возьмись, лиса пробирается к ручейку. Облезлая, как всякая лиса летом. А за старой ковыляют три маленьких лисенка.

Мы боялись пошевелиться.

А лиса подошла к ручью — и прямо в воду. Ручеек на этом месте был совсем мелкий. Она и брюхо себе не замочила. Дошла лиса до торчащего из воды камня, вскочила на него и стала манить лисят к себе. Да где там! Бегают по берегу, барахтаются, скулят, а в воду не идут. И к матери тянет, и в воду лезть страшно. Один лисенок окунул было лапку, но, словно обжегшись, быстро отскочил назад.

Трусость детенышей рассердила лису. Она вернулась на берег и стала тихонько повизгивать — уговаривать их. Лисята приставали к ней, теребили ее облезлый мех, кувыркались — наверно, от радости, что мать опять с ними.

Старая лиса опять вошла в ручей и все оглядывалась, идут ли за ней дети, манила их. А те ни за что не хотели лезть в воду. Пришлось матери снова выйти на берег. Она больше не повизгивала, а сердито залаяла. После такого серьезного выговора один лисенок осмелился пойти за матерью. Он высоко поднимал лапки и стряхивал с них воду. Мать перевела его на другой берег. А остальные двое? Вода, должно быть, все еще нагоняла на них ужас. Мать долго понапрасну звала своих детей. В конце концов она отвернулась, побежала со смельчаком на вырубку и там спряталась в высокой траве. Двое брошенных лисят жалобно скулили, но в воду не шли.

Что было делать бедной матери-лисице?

Опять она вернулась, перешла ручеек. Смелый лисенок — за

ней. Теперь старая лиса начала показывать маленьким трусишкам, как надо переходить ручеек. И когда она отправилась на другой берег, за ней шли уже два лисенка. Третий жалобно пищал и скулил на прежнем месте. Мать снова побежала прочь от ручья — думала таким образом заставить трусишку войти в воду. А тот никак не мог набраться смелости. Бегаёт по берегу, склонив головку набок, и только печально глядит в ту сторону, где мать исчезла.

Это по-настоящему рассердило лису. Одним прыжком она перескочила ручеек. Лисенок радостно подбежал к ней, а мать нахлопала его лапой по шерстке, а потом как схватит да швырнет прямо на середину ручья. И тут же сама прыгнула к нему. Бедняжка, мокрый по уши, заковылял за ней на другой берег. Там он прежде всего как следует отряхнулся и при этом громко пыхтел и фыркал, выгнув спинку.

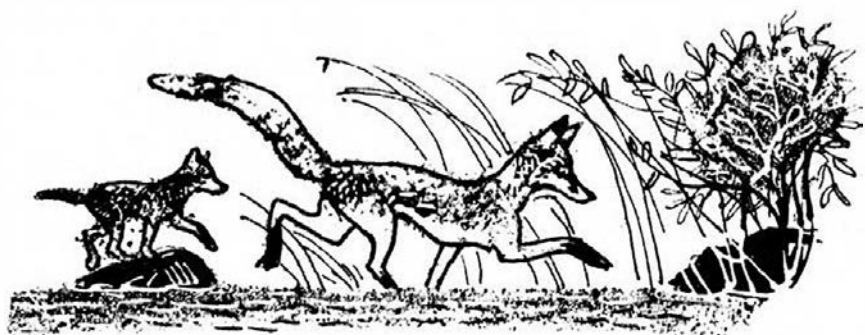
После этого лисье семейство еще раз перешло ручей вброд, вернулось и скоро скрылось в высокой траве на том берегу.

Первым заговорил дядя Богдан.

— Видите, какая школа́ у зверей! — сказал он и тихонько засмеялся.

— Да-а, — согласился я, кивнув головой.

— О-о, лисицы я не на такие штуки способны! Я своими глазами видел, — сказал дядя Богдан и встал, чтобы отправиться домой.

На обратном пути он рассказал действительно необыкновенную историю об умной лисичке.

— Вышел я однажды на оленей посмотреть. Не охотиться, нет, а просто полюбоваться на них, выяснить, где какие па-сутся.

Сиюю я на высоком буке, где у меня была устроена сидьба, жду, не покажется ли на полянке благородная дичь. Солнце уже собирается земле спокойной ночи пожелать, и тени полянку как будто пополам разрубили.

Откуда ни возьмись, из молодого ельничка лиса выходит. И давай кузнечиков ловить на той части полянки, где еще было солнце. Любопытно, как она это делала. Подкараулит, плутовка, кузнечика, прижавшись к траве, а как завидит добычу, высоко подпрыгивает и падает на нее передними лапами. При этом свое правило поднимает высоко, словно палку, потом ловко достанет прижатого кузнечика из-под лапы, причмокнет языком — и кузнечика как не бывало. На лужайке их было видимо-невидимо, и лиса долго занималась веселой охотой.

Но солнышко садилось все ниже, тень вовсе вырубку закрыла. Забавляться кузнечиками лисе надоело, и она прыгнула в лесную чащу.

А я пожалел, что она убежала, глядеть на нее было куда как весело.

Между тем жизнь на темной полянке стихла. Все звери по-

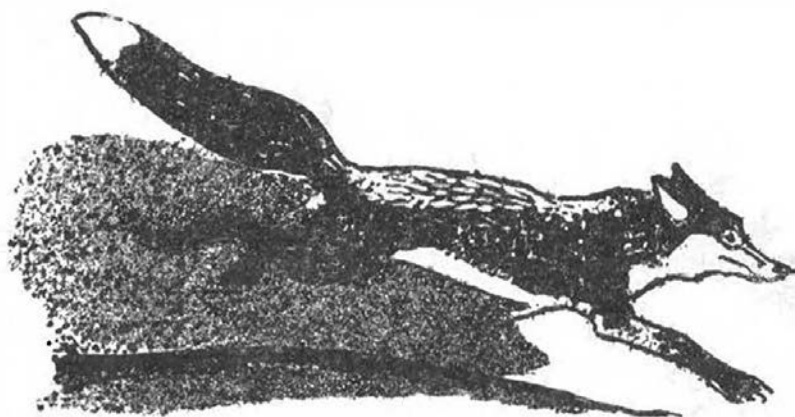
прятались по своим норам. Только слышно было, как вдали олени трубят.

Я то на полянку поглядывал, то на последние солнечные лучи, которые золотили вершины буков. И тут заяц на полянку выскочил. Скок, скок! Сделал он круг, потом на задние лапы присел, а передними стал сначала одно, потом другое ухо чесать. После этой работы он потянулся и поскакал к середине лужайки, где несколько больших камней лежало. Нашел он там что-то съестное и за ужин принялся. При этом он то одно, то другое ухо приподнимал, хоть и прикидывался совершенно беззаботным. Вскоре он проскакал еще немного дальше, отыскал вкусный листок или стебелек и стал грызть его.

И вправду мирная картинка!

Вдруг из чащи снова лиса вылезла. Села у молодой поросли, полянку осмотрела. А заяц ничего не подозревает, скачет прямо навстречу лисе. То вправо, то влево прыгнет, играет как резвый ребенок, лишь белый хвостик на полянке то тут, то там мелькнет.

А лиса зайца уже заприметила. Неслышно, словно дух, скрылась в чащу, будто положение обдумать собиралась. А там, скорее даже, чем я вам это сказать успел, снова объявилась, подняла голову, чтобы разглядеть зайца в высокой траве, потом

к земле прижалась и к нему поползла. А заяц, глупыш, ничего не замечает. Скок, скок — прыгает он уже в сторону от лисы. А лиса за камень — шмыг! Там еще раз приподняла острую мордочку, проверила, далеко ли косою ушел, а потом тенью вползла на камень. Ну, совсем будто срослась с ним. Уши торчком, правило чуть-чуть шевелится, белый кончик его туда-сюда ходит.

Некоторое время плутовка, должно быть, прикидывала расстояние между камнем и зайцем. Потом вдруг вскочила и стремглав прыгнула на зайца. Но нет, промахнулась она. С лисами это редко бывает!

Перепуганный косою завизжал, будто его живьем на вертел посадили, прижал уши к спине и дал стрекача.

Лиса прыгнула следом за ним, но передумала и оставила зайца в покое. Он в лес умчался.

Я голову ломал, почему лиса так легко от добычи отказалась?

«Небось сыта», — решил я в конце концов. Но теперь захотелось мне узнать, что она дальше делать станет?

А лиса постояла, повернула назад и прямо к камню побегала, откуда перед тем так неудачно прыгнула, остановилась там, где сидел заяц, обнюхала это место и потом уж на камень взобралась.

«Что же дальше?» — думал я, а сам с лисы глаз не спускаю.

А та на камне растянулась, будто перед ней настоящий заяц был, подождала немного, словно расстояние измеряла, и — гоп! — прыгнула.

Нюхом проверила, правильный ли был прыжок, не промахнулась ли она, как в первый раз.

«Ну и разумница!» — хотелось мне воскликнуть, но я сдержался.

А рыжая плутовка уже снова на камне лежит — к прыжку опять готовится. И так она еще три раза проделала. И только после этого, довольная, помахивая длинным правилом, в чашу убежала.

А я чуть не расхохотался: до того это забавно было, так меня выходки лисы удивили.

Да, в другой раз она уж не промахнется, ведь на собственной ошибке училась.

... Мы прибавили шаг. По пути я все думал, что у этой лисички не один человек мог бы поучиться.

Уже совсем стемнело, когда мы с дядей Богданом свернули у ручья к лесничеству. Домик приветствовал нас ярко освещенными окнами.

10. МАТЬ

— Ладно, я вам по пути об этом расскажу, а потом вы и собственными глазами увидите и убедитесь, эх вы... Фома неверный... — И дядя Богдан махнул рукой, словно не мог найти для меня доброго слова.

Мы шли долиной вверх по течению журчащей Бистрицы.

Я промолчал, досадуя на себя за то, что накануне вечером усомнился в словах дяди Богдана. Сказал так, шутки ради, а он всерьез обиделся: ну, коли не верите, так я и словечком больше не обмолвлюсь.

Еле удалось мне убедить его, что я пошутил.

Наша размолвка произошла так. Я рассматривал манки. У дяди Богдана их с десяток, и из каждого он умеет извлечь нужный голос. Он подражает и косуле, и лисице, и кому угодно. Наконец дядя Богдан запищал на тонкой деревянной дудочке и подмигнул мне: угадайте-ка, чей это голос?

— Маленький козленок, — отвечаю я.

Дядя Богдан кивнул и говорит:

— Если поблизости где-нибудь косуля окажется, она на этот голос обязательно прибежит.

Я с ним слегка повздорил, сказал, что головой он за это не поручится.

Видели бы вы, как он покраснел! И тут же пообещал чуть свет пойти со мной в лес и доказать, что слов он на ветер не бросает.

Утром, не успел я умыться холодной водой в ручейке у мостика, как он уже кричит мне:

— Ну как, молодой человек, идем?

И вот мы в пути.

— Вы, видно, не представляете себе, какой отважной матерью может быть косуля, — начинает дядя Богдан, то и дело кидая на меня хмурые взгляды из-под густых бровей. — А я это уже не раз проверил. Года три назад довелось мне быть на Майове. Как сейчас помню, в июле такая жара стояла, что из дому выйти можно было только под вечер.

Косули уже ходили с козлятами, покрытыми белыми пятнышками. Захотелось мне поглядеть на этих юных обитателей леса, и я, несмотря на жару, отправился в лес.

Вышел я под Майовом на вырубку, где дичь в долину спускается на водопой.

Сел в чаще и жду. Духота такая, что дышать нечем, но до вечера уже недалеко. Скоро свежим ветерком потянет и легче дышать будет.

И так меня разморила эта жарница, что я слегка вздремнул, хотя и спать не спал по-настоящему. Очнулся я, когда на вырубку уже легли длинные тени от старых буков.

Долго ждать не пришлось. На противоположной стороне вырубки ветки шевельнулись, косуля оттуда вышла, а за ней на тонких ножках прыгал маленький коричневатый козленок с белыми пятнышками на боках и «зеркальцем» у хвоста.

Остановилась мать на краю вырубки, прислушалась. Никакой опасности не учуяла и принялась траву щипать. Козленок у ее ног вертелся, пить, как видно, хотел.

Я смотрел на нее затаив дыхание.

Довольно долго насмась косуля. И вдруг на опушке какое-то движение! Я вздрогнул даже. И представьте себе: лиса! Враг маленьких козлят!

Взял я ружье, стрелять приготовился.

Лиса к земле припала, осторожно поползла к косуле. Та голову подняла, уши насторожила. Заметив опасность, пискнула косуля и лисе навстречу прыгнула. Во что бы то ни стало должна она своего детеныша спасти!.. А лиса, к моему удивлению, нападать не стала, а отскочила к чаще.

«Э, должно быть, хитрость какая-нибудь!» — подумалось мне.

Вскинул я ружье — ухо надо остро держать! Очень уж необычно лиса себя ведет! Вижу, косуля наступает на лису, все норовит ее передними ногами ударить. А лиса отступает и отступает. Козленок сперва беспомощно потоптался на месте, хотел было к матери подбежать. Да опоздал! Из чащи внезапно другая лиса выскочила. Большой старый лис.

«Вот она, разбойничья компания!» — думаю я, и все мне стало понятно. Пока лиса косулю-мать в чащу заманивала подалеже от детеныша, лис приготовился изловить перепуганного беззащитного козленка. Я уже зубами заскрипел, видя такое коварство.

Остановился лис между косулей и козленком. Тот испуганно запищал и заметался из стороны в сторону. А лис прилег, зубы оскалил, уши прижал — сейчас прыгнет, и конец пятнистому малышу.

Как только прыгнул рыжий разбойник, я выстрелил. Лис в воздухе перевернулся, на землю упал да так и остался лежать. Косуля в сторону отскочила — и в чащу. Лиса за ней, но до безопасного места не добежала. Я из второго ствола ударил. Лиса раз-другой прыгнула, перевернулась — ей тоже конец пришел.

А косули и след простыл.

Остался на вырубке только маленький козленок. Жалобно попискивая, по вырубке бегает, а куда кинуться, не знает.

Приложил я ружье к дереву, на полянку спешу — прямо к козленку. От меня он не побежал. Видно, от страха даже бежать не мог — тонкие ножки подламывались. Без всякого труда поймал я его и прижал к себе. А он дрожит как осиновый лист.

«Не бойся, вернется твоя мама... Подождем ее, ну... ну, не плачь», — успокаивал я малыша, словно ребенка.

Оттащил я тела рыжих разбойников в чащу и вернулся на прежнее место, козленка на колени положил. Поглаживаю его худую спинку, на которой ясно позвоночник прощупывается, а он все дрожит и дрожит.

Смеркаться начало, а я на том же месте сижу с маленьким козленком на коленях. Косули нет как нет. Не слишком ли далеко она убежала с перепугу?

Я уже терпение стал терять. И так меня ночь в пути застигнет.

Что делать? Оставить козленка одного на вырубке? Ведь он и до утра не доживет. Тогда я легонько козлен-

ка за ухо ущипнул. Он вздрогнул и тоненько так пропищал: «киа-а-а, ки-кииа-а!»

«Больно? — спрашиваю его. — Сейчас мама придет, погоди!»

Гляжу на вырубку, а на ней пусто. Прислушиваюсь — тоже ничего. Еще раз ущипнул хрупкое ушко.

Через песколько минут высовывается из чащи на противоположной стороне вырубки голова косули: черный нос, большие робкие глаза и острые уши. Косуля голос подала, тихонько так. Козленок сразу голову поднял и пискнул. Мать вышла на полянку.

Я положил козленка на землю. Он сейчас же к матери побежал, а она ему навстречу.

Взял я рыжих разбойников за хвосты, обошел сухой хворост, чтобы семейку не спугнуть, и довольный отправился домой. . .

Дядя Богдан посмотрел на меня. Не стану ли я и теперь, как накануне, опять сомневаться. А я только сказал ему:

— Хорошая мать, не испугалась, опасностью пренебрегла.

Дядя Богдан сразу успокоился.

— Посмотрите сами, это недолго! Вот попищу сейчас, увидите, что будет!

А сам смеется. Доволен!

Мы добрались до старого редкого ельника. Во все стороны хорошо видно. Дядя Богдан достал из своей сумки деревянную дудочку-манок.

Тоненькое «киа-а-а-а, ки-ки, ки-и-а-а-а» разнеслось далеко. Мы ждем затаив дыхание. Тишина глубокая. Дядя Богдан снова прикладывает дудочку к губам, снова слышен тот же жалобный писк. Человек его и в ста шагах не услышал бы.

Вдруг топот откуда-то снизу. А вот и косуля! Остановилась, посмотрела вокруг — где же козленок, который звал на помощь? Его нет. Тогда косуля дальше побежала. Только белое «зеркальце» мелькало меж стволов.

Дядя Богдан победоносно посмотрел на меня, но не проронил ни слова. Должно быть, еще чего-то ждал.

И правда, ждать не долго пришлось. Вижу я, как с другой

стороны еще одна косуля к нам торопится. Но не дошла. Учуяла запах человека. Ветер от нас на нее дул. Она скорей прочь кинулась.

Я поглядел на тоненькую дудочку в пальцах старика и вспомнил, что мне говорили люди: «Дядю Богдана даже зверь слушается».

«Ох и мастак этот дядя Богдан!» — подумал я и дал себе слово никогда ему не перечить ни всерьез, ни в шутку. Где уж мне спорить с таким бывалым человеком! . .

11. КОЗЛИК БЕЛЯК

На пути из лесного питомника заметила нас сойка. Прячется среди ветвей, то и дело пронзительно вскрикивает: «кии-кек-кек! . . Кии-кек-кек! . . » Потом снимется с места, перелетит немного дальше и снова своим противным голосом оповещает обитателей леса о том, что мы идем.

— Дряннь нахальная! — ворчит дядя Богдан. — Неужто всему лесу надо знать, что мы здесь?

Вдруг сплетница пролетела над нашими головами и села на ветку кудрявого дуба. Дядя Богдан пригляделся к ней, быстро снял с себя куртку и — хлоп! — накинул ее на сойку.

Попалась болтунья!

Он быстро достает сойку из-под куртки и внимательно разглядывает. Потом кивает мне и говорит:

— Ну, молодой человек, приглядитесь-ка хорошенько!

Я всматриваюсь. Необыкновенная сойка! Среди серо-голубых перьев в ее крыльях виднеется много совсем белых.

— Первый раз в жизни вижу сойку с таким белым оперением, — говорю я удивленно.

— Что ж, в лесу белая окраска иной раз встречается, — говорит дядя Богдан. — Знаете, недостаток. . . ну как же это. . . как, бишь, его. . .

— Пигмента, — подсказываю я.

— Да, да, верно. . . Однажды я сам белого косача застрелил.

А в доме у нас даже белый козлик жил.

— Совсем-совсем белый? — не верится мне.

— Правда, как снег белый.

— И ручной?

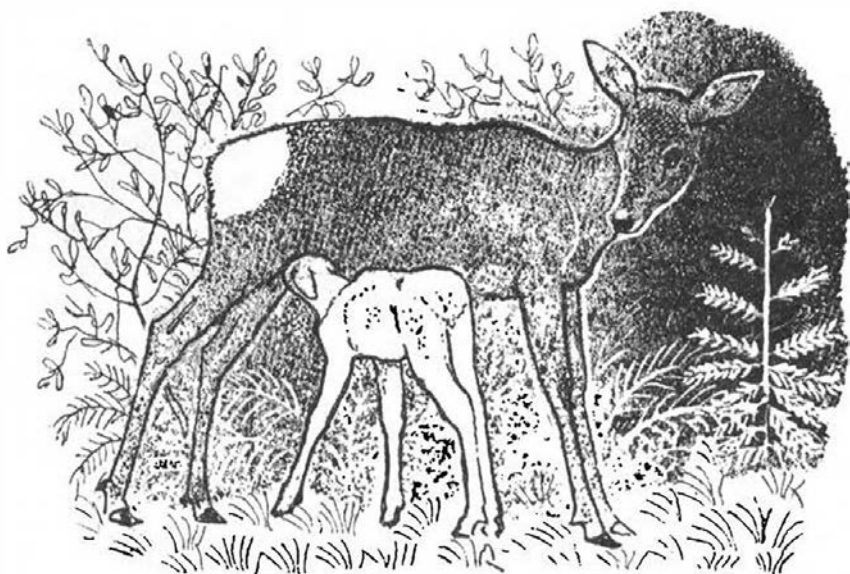
— Как щенок.

— А как же он к вам попал? — расспрашиваю я дальше.

— Вы что же намерены каждое слово из меня клещами вытаскивать? — говорит дядя Богдан, улыбаясь. — Уж лучше я вам все по порядку расскажу, слушайте только. Однажды сообщил мне один лесник, что на нашем участке белый козленок появился. Что, мол, с ним делать будем?

«Оставить его в лесу, так он не долго проживет, — говорю я леснику. — Белый цвет все равно его выдаст. . . Давайте лучше поймаем его!» — решил я.

И мы отправились в те места, где косуля с белым козленком ходила.

Пришли мы туда под вечер, и сразу же нам повезло. Под кустом лежала красивая, почти красноватой окраски косуля, а белый козленок сосал ее. Белый-пребелый, ну прямо как снег.

Мы тихо подползли поближе, потом в несколько прыжков животных настигли. Вскочила косуля и прочь умчалась. Козленок за ней. Был он совсем маленький, неуклюжий. Ножки тонкие как палочки, подламываются, в валежнике путаются. Упал он вдруг, к земле прижался, мордочку спрятал как можно глубже в траву. От страха дрожит и попискивает.

По пути к дому он успокоился. Понял, что мы ему зла не причиним.

Дома я дал ему попить молока из бутылки с соской. Сначала он не хотел ее брать, а потом ухватил за самый кончик и принялся жадно сосать.

Красивый был козленок. Глаза красные, и даже копытца розоватые.

Очень он полюбился нашим детям, и назвали они его «Беляк». Детвора ведь сразу кличку найдет.

Козленок тоже быстро к детям привязался.

Так и жил Беляк с нами. Спал он вместе с псом Вихрем на подстилке. Добрыми друзьями стали козленок и Вихрь.

Время шло, настало лето. Я часто в лес со своей собакой ходил. А Беляк без Вихря ни за что не оставался дома. Так и рвался за ним в лес. Вот и стал я брать его с собой. Тут ему встречались братья обычной окраски, но они его почти не интересовали. Подолгу он с ними никогда не играл.

К осени у Беляка великолепная зимняя шубка выросла, красивая такая, густая. А зимой, когда в горах жестокие метели завывали, козленок, сытый и довольный, лежал в загоне, и никакой ветер ему не был страшен. Сена у него было вдоволь, получал он и клевер, и горсть соли. А если ему становилось скучно с Вихрем, он приходил на кухню, где с ним играли и резвились дети, угощали хлебом с солью. Мать их иной раз даже останавливала: весь хлеб, мол, скотинше скормите.

Так провел Беляк первую зиму.

Как только весна заглянула в горы, у козлика на голове стали «пуговки» припухать — признак будущих рогов.

«Эх, и красавец ты будешь, Беляк, когда у тебя рога вырастут», — частенько говаривал я козлику. А он словно понимал меня и задорно подпрыгивал сразу на всех четырех ножках.

И вправду рожки, покрытые мягкой пушистой оболочкой, росли очень быстро. . .

А мы с лесником следили, не появится ли в нашем лесу еще один белый козленок. Так оно и вышло!

И еще через год та же самая косуля произвела на свет третьего белого козленка.

Но кроме Беляка ни один долго не прожил. Белого козленка не то лиса издалека заметила, не то еще какой-то лесной хищник поймал. . .

А Беляк между тем превратился в большого, могучего козла. На его рогах выросли первые отростки. Голова всегда была гордо поднята, и он этак весело топотал копытцами. По всей округе прославился наш Беляк. К нам люди приходили им полюбоваться. И всякий раз ему какое-нибудь лакомство приносили: то кусок хлеба, то сахарку или конфетку. Но самым желанным лакомством для Беляка оказался табак. Я уже говорил вам, когда об олене Петьке рассказывал, что животные табак очень любят. Беляк за табаком на край света пошел бы.

Табак-то его и погубил.

Весной это случилось. Беляку шел уже пятый год.

В горах в то время ремонтировали лесные дороги и мостики. Собрался я туда — посмотреть работы. Вихрь и Беляк за мной увязались.

Стало жарко рабочим во время работы. И они снимали куртки — на ветках развесили или просто у кустов побросали.

А Беляк прямо к этим курткам. Рылся, рылся в них, пока в одной табак не учуял. Начал подбрасывать куртку, трясти ее. И тут из одного кармана клочок с табаком выпал. Беляк и

давай жевать этот кисет. Вдруг — ххрр! — и кисета как не было! Беляк его проглотил. . .

Дядя Богдан прервал свой рассказ и глубоко вздохнул.

— Я задержался с рабочими не долго. Мне нужно было еще изрядный кусок пройти по лесу, — продолжал дядя Богдан, помолчав немного. — Возвращался я домой уже под вечер, а Беляк следом плелся, уныло опустив голову.

«Что с тобой, Беляк?» — спрашиваю. Ведь иной раз какие штуки он только не выкидывал! Скажем, бегал наперегонки с Вихрем, на рога поддевал что попало. А тут будто его подменили. Сразу видно, что не по себе ему. Да, но что же приключилось с ним?

В лесничестве я предлагал ему то один, то другой лакомый кусочек, а Беляк от всего отказывался и только большими красными глазами грустно так на меня смотрел.

Я не знал, что и думать. Пришло мне в голову, что пить он хочет.

И вправду, Беляка нельзя было оттащить от ведра. Он пил жадно и много, как никогда.

«Ну, пей, пей, видно, жара тебя уморила», — приговаривал я, а сам его белую шерстку поглаживал. Надеялся, что теперь козел оправится.

Но, напившись вдоволь, побрел Беляк в свой закуток и там на подстилку свалился.

«Отдохнет и оправится», — подумал я.

Но утром козла нигде не видно было. В привычное время не пришел он и на кухню. Не выдержал я и скорей в закуток. Вошел через пизкую дверцу — и ноги у меня подкосились. Лежит Беляк на селоме, тело неестественно вытянуто, голова назад откинута. Околел, значит. А верный его друг Вихрь рядом лежит, голову на холодную шубу козла положил и тихонько скулит. . .

Сперва я понять не мог, что случилось с Беляком, почему он погиб так внезапно. Вскрыл я его, а у него в желудке кисет с табаком лежит. Если бы только кисет! Сами знаете, что ку-

рильщики в кисете держат и спиду для прочистки трубки. Вот этот кусочек медной проволоки и погубил козла.

Больше никогда не приходил на кухню наш Беяк, никогда больше с детворой не озорничал. . . А нам казалось, что от нас навсегда ушел кто-то из членов нашей семьи. . .

Дядя Богдан достал трубку и только тут заметил, что все еще держит в руке белокрылую сойку. Он открыл ладонь и сказал:

— Ну, лети, лети, сплетница!

Сойка шумно захлопала крыльями и взлетела на дерево.

Дядя Богдан начал раскуривать трубку, но спички, словно нарочно, ломались одна за другой. И он снова глубоко вздохнул.

Когда дядя Богдан наконец закурил, он добавил хриплым голосом:

— С тех пор у нас на участке белых козлят не появлялось.

12. НА ТЕТЕРЕВИНОМ ТОКУ

Мы собирались в лес.

Дядя Богдан перекинул ружье через плечо, надел свою кожаную сумку, снял с вешалки старую зеленую шляпу с пучком кабаньей щетины.

— Зачем вам, дядюшка, шляпа? — спросил я удивленно. — Ведь стоит прекрасная погода.

Он надел шляпу, посмотрел на меня веселыми, улыбающимися глазами и ответил:

— Верного друга дома не оставляю. — И когда мы уже поднимались по крутому склону, по которому вилась тропинка, он добавил: — Чего только не видела на своем веку эта шляпа! Если бы умела она рассказывать! . .

Так и есть, сейчас дядя Богдан заговорит о каком-нибудь случае из своей богатой охотничьей жизни. Но я молчу, жду, когда же он начнет. И правда, не долго он выдержал. Дядя

Богдан искоса посмотрел, очень ли мучит меня любопытство, откашлялся и таинственно сказал:

— Как тогда, на тетеревином току. . .

И молча зашагал дальше. Иногда он только поглядывал на меня. Я не вытерпел и попросил рассказать этот случай. А дядя Богдан только того и ждал.

— Было это несколько лет назад на участке Петровского, — начал он не спеша, словно собирался с мыслями. — Наступил уже апрель, и снег в горах быстро сходил. Меня разбирало нетерпение. Да и не удивительно — пришла пора тетеревиного тока.

И вот отправился я однажды еще затемно поискать местечко, где тетерева токуют.

Чуть свет пришел я на место, где в прошлом году метель бушевала. За зиму весь бурелом мы вывезли, оставались лишь хворост да дрова, уже распиленные и уложенные в поленицы.

В лесу снега было еще вдоволь, а на расчистке его уже целиком солнышко слизало.

Казалось, для тетеревиного тока место прямо создано. Решил я здесь остаться.

Где же спрятаться? Очень хотелось мне как можно ближе к тетеревам быть. Нашел я пенек подходящий у поленицы, сложенной прямо на расчищенной полянке. Сел, спиной к дровам прислонился. Холодно вато еще было, я поплотнее куртку запахнул и нахлобучил шляпу на голову по самые уши. Было на мне все зеленое, как лесничему, сами знаете, положено.

Побледнели звезды на небе, на востоке светлая полоска показалась, начало светать.

Жду я терпеливо, когда же «килип-килип» послышится. Ничего. . . Потом уже, вдолге, над головой вальдшнепы пролетели. Тихонько так прошумели: «кшш-квор-квор-квор-квор-ксс!» Но я даже голову им вслед не повернул, тетеревов ждал.

Вот и первое токование!

Замер я.

Через минуту снова слышу: «килип-килип-килип. . .» Косач

все чаще токует: «килип-килип-килип-трркч!» Потом вошел в азарт и стал настойчиво повторять свою любовную песенку.

Между тем небо все светлее и светлее. Спжу я и жду.

Вдруг тетерка прилетела. Неподалеку от меня на кучу хвороста опустилась и давай косачу отвечать: «квок-квок-квок!» А косач токует, старается, изо всех сил горло надсаживает.

«Э-э, — думаю, — ты там, братец мой, недолго выдержишь! Прилетишь сюда за ней ухаживать!»

А тут вместо косача две тетерки прилетели. Расхаживают по хворосту и изо всех сил квохчут.

Потом косач стих на время и громко захлопал крыльями.

«А-а, здравствуй, братец!» — обрадовался я, а сам сижу, дышать боюсь, прямо сросся с поленицей, слежу за косачом.

Он крылья опустил, раскрыл хвост веером, вокруг тетерок кружит. Те приветствуют его, еще громче и радостнее квохчут.

Тетерев то приближается, то отходит. Это был красивый, сильный косач. Токуя, он вытягивал шею, поднимал голову и, опустив крылья, чертил ими по земле. Красные «брови» над глазами ярко горели.

Тем временем солнце озарило занесенные снегом горные вершины, и они стали словно сахарные. Косач кружился около своих подружек уже довольно долго. А мне худо пришлось: надо было сидеть совсем неподвижно, затаив дыхание. Руки и ноги у меня затекли, ну просто деревянные стали.

«Лучше бы уж улетел», — подумал я. Но мне ни за что не хотелось спугивать его. Ведь тогда он на это место больше не вернется.

А черный красавец и не думал улетать. Он весело токовал, распушив перья, потом перелетать начал с расчистки на дрова, оттуда опять на землю, на пенек и снова на дрова...

Я сидел ни жив ни мертв и ждал, что будет.

Вдруг он, негодный, прямо на ту поленицу взлетел, где я притаился. Токование, шорох опущенных крыльев все ближе и ближе.

«Заметит... Теперь непременно заметит!» — думал я с за-

миранием сердца и даже пожалел, что на самом току устроился. И дернуло же меня тут сесть, можно было ведь и подальше укромное местечко найти.

Топ-топ-топ! — слышу я прямо над своей головой.

Кровь стынет в жилах, теперь только бы не шевельнуться, не вздохнуть громко!

И вдруг я почувствовал на голове тяжесть! Громкое низкое «килип-килип-килип» прямо над ухом звучит, как барабан.

Совсем я оцепенел. Сижу как пень.

А косач на моей голове топчется, с ноги на ногу переступает, вертится во все стороны. Я изо всех сил стараюсь голову прямо держать. Как бы не склонилась она под тяжестью птицы! Шея болеть начинает.

Хотите верьте, хотите нет, а мне совсем плохо пришлось. В носу еще, как назло, защекотало, того и гляди, чихну, а чихнуть — не приведи бог!.. Кажется мне, что этот черт чуть ли не целый час на моей голове танцует. Хорошо, я шляпу крепко нахлобучил и она никак не могла соскользнуть с головы вместе с этим косачом.

Наконец-то! На душе сразу полегчало!

Покрасовался вдоволь косач на моей голове, повертелся так и эдак, отряхнулся и прочь по поленнице зашагал. Ох, и легко же я вздохнул!

А солнце уже край расчистки обогреть начало. Тетерки одна за другой крыльями захлопали и к своим гнездам полетели. Только косач все еще по поленнице расхаживает. Сам уже молчит, а крыльями все еще чертит... Досыта нагулялся и с шумом взлетел. Я еще долго слышал, как он тяжело крыльями хлопает.

С каким облегчением перевел я дух! Затекие руки и ноги стал разминать. Они совсем одеревенели, словно в них полчища мурашей поселились...

Дядя Богдан остановился, сдвинул шляпу на затылок и вытер потный лоб.

— Ну как, понравилось вам? — спросил он.

Я только кивнул в ответ.

Мы еще немного передохнули и потом молча пошли по охотничьей тропе к горным вершинам.

13. СРАЖЕНИЕ В ВОЗДУХЕ

На обратном пути я заметил на дуплистом стволе старого дуба большого жука, почти с мой мизинец величиной. Жук был темно-коричневый, почти черный. Голову его украшал большой кривой рог. Это было в нем самое примечательное.

Дядя Богдан шел впереди и ничего не заметил. Я осторожно подошел к дубу и схватил жука. Он стал быстро перебирать в воздухе мохнатыми ножками, пытаясь вырваться на свободу.

— Дядя Богдан, поглядите-ка, какого жука я поймал! — окликнул я лесничего.

Я никак не думал, что ему так по душе придется моя находка. Лицо его просияло, как солнышко.

— Ого! Жук-носорог! Сколько я уже за ним гоняюсь, а вам посчастливилось. Замечательный экземпляр! Он займет почетное место в моей коллекции! — причмокнул он и осторожно положил жука в свою сумку.

Когда мы снова тронулись в путь, дядя Богдан сказал мне:

— Ну, коль вы такой удачливый, расскажу вам по пути еще одну историю с тетеревом.

Можете представить себе, как у меня от радости загорелись глаза. Хорошо, что я этого жука-носорога случайно увидел!

— Эта история произошла тоже на участке Петровского. — начал дядя Богдан новый рассказ о приключении. — Пошли мы с одним лесником в лес выяснить, много ли у нас тетеревов токует.

В старом ельнике было у них любимое место. Вот мы и направились туда. А там разделились, и каждый в свою сторону пошел. Встретимся, мол, после обхода в низинке у родника на вырубке.

В начале апреля, после суровой зимы, в лесах лежало еще много снега, и только на вырубках кое-где появились проталины.

Утро было ясное, морозец еще довольно крепко пощипывал, и мы основательно продрогли.

Токование кончилось, мы встретились у родничка, закусили и принялись рассказывать, кто что видел. Лесник трех косачей нашел, я только одного.

Сидим мы этак на замшелом вывороченном дереве, разговариваем. Тут на вырубку три косача вылетели, на буках-семенниках расселись и давай клевать почки.

Греемся мы на раннем весеннем солнышке, на косачей смотрим. Повыше нас на вырубку начали выходить косули.

Закусил я, трубочку набиваю, вдруг лесник хватъ меня за рукав. Что такое? Смотрю, куда он показывает. А там от леса летит еще один косач.

«Что у них тут собрание, что ли?» — спрашиваю я в шутку.

Но косач летит странно как-то, в воздухе раскачивается, будто пьяный. Подлетел поближе, видим, висит на нем что-то, из стороны в сторону болтается, вроде как тряпка.

«Что это может быть?» — думаю я вслух.

«Перо какое-нибудь из крыла вылезло, — ответил, не задумываясь, лесник. А когда косач еще ближе подлетел, добавил: — А может, клочок сухой травы зацепил».

Смотрим на тетерева, а тот как-то странно завертелся и крыльями судорожно машет. Видно, хочет повыше взлететь, да мешает ему что-то. То вниз упадет, то повыше взмоет. А что-то непонятное все еще болтается на его шее. Конечно, вовсе это не перо и не клочок травы. Что же тогда? Сидим мы и голову ломаем.

Тут косач перевернулся в воздухе, а странный предмет отделился от птицы, свернулся и клубком вниз полетел! Косач неуклюже взмахнул крыльями и тоже камнем упал.

«Видишь?» — схватил я лесника за плечо.

«Видеть-то вижу, да в чем дело, не пойму».

Вскочили мы с вывороченного дерева и напрямик через чащу побежали к тому месту, где тетерев свалился вместе со своим странным довеском.

По сломанной елке приметили мы направление и дальше пробираемся — я впереди, лесник за мной.

Искать пришлось в зарослях, а там еще сугробы лежат. Вдруг кричит лесник:

«Вон он, косач-то! Нашел!»

«А где то, что на нем было?» — спрашиваю я на бегу.

«Той штуки нет как нет, будто сквозь землю провалилась».

Все вокруг обыскали — нигде ничего. Присмотрелся я к снегу — вот оно что оказывается! Шагах в десяти от косача ямка в снегу, и от нее ведут к лесу мелкие кушьи следы.

Тут уж мы сразу смекнули, стали тетерева осматривать. У косача и вправду шея перегрызена.

«Ну и живодерка эта куница, — говорит лесник. — Даже на лету кровь пьет».

Куница напала на тетерева, надо думать, где-нибудь на дереве. Тот взлетел, пытаясь ее стряхнуть с себя. Да не знал он, какой кровожадный зверек куница. И дело для него плохо кончилось.

14. ЖАДНЫЙ МЕЛЬНИК И КУНИЦЫ

На следующий день пошел дождик. Сразу похолодало, стало сыро. Со стороны Польши подул северный ветер, туман лег на горные склоны и порой даже сползал на самое дно долины.

Но в лесничестве было уютно. Только дядя Богдан ворчал, что ненастье началось совсем некстати, и исподлобья мрачно смотрел на дождь, потому что у него разыгрался ревматизм. Тетя Гана затопила печь в большой комнате, и мы там устроились.

Я рассматривал охотничьи трофеи, развешанные по стенам. Вот олени рога, кабаньи клыки. . . Бросилось мне в глаза чучело куницы с белой, по краям чуть-чуть желтоватой грудкой. Мне вспомнился вчерашний рассказ дяди Богдана.

— А эту, дядя Богдан, как вы заполучили? — спросил я, показывая на чучело.

Дядя Богдан засмеялся, и глаза его весело блеснули. Я понял, что сейчас услышу какую-то забавную историю.

Вдруг дядя Богдан перестал улыбаться, схватился за колено и лицо его исказилось от боли. Он придвинул стул поближе к печке, подбросил несколько поленьев в ее гудящую пасть, чтобы не прерывать потом рассказа, и начал:

— Это же не просто куница. О ней мог бы кое-что вам рассказать петровицкий мельник, старый Мрва, если он жив еще. . .

Дело было много лет назад. Перед святками гололедица началась, и надумали мы поохотиться на зайцев. Пригласили охотников из города. Пускай, мол, и они зайчатиной в сочельник полакомятся. Не забыли и старого мельника Мрву. Был он страстный охотник. Год целый на нас злился бы, попробуй только не пригласи его на охоту или не пошли ему к столу часть добычи.

Собирались мы на рассвете под старым дубом. Стрелки и загонщики. Под ногами лед хрустел, словно стекло. Я расставлял стрелков по номерам, лесник Кашуба занялся загонщиками.

Слабым светом озарились горные вершины, послышались звуки рога. Началась облава. Все ближе раздавались голоса загонщиков, которые то и дело стучали палками по деревьям, и стук звонко отдавался в морозном воздухе. Стрелки затаив дыхание с ружьями на изготовку ждали зайцев. Вот и первые

выстрелы в лесу. Зайцы, словно полоумные, спасались бегством от загонщиков.

Мельник тоже ждал своего зайца. Двустволка наготове, только прицелиться и выстрелить осталось. Мельник глаз не сводит с мушки. Сердце, того и гляди, выскочит. Лишь бы косой подбежал — тут уж ему не уйти!

И вдруг бежит что-то прямо на мельника. Да это вовсе не заяц!

Куница!

«Эге? Вот это добыча так добыча!» — подумал мельник. Ружье к плечу приложил и — трах!

Руки дяди Богдана невольно поднялись, указательные пальцы вытянулись вперед, будто он и вправду прицелился.

Куница комочком перевернулась в воздухе и лежит. Подбежал к ней наш мельник и думает: «Так я и покажу ее другим, ждите! Пусть себе зайцев стреляют, а у меня кунья шкурка останется». Схватил куницу и сунул ее за пазуху.

Первый заход кончился. Дичи — тьма-тьмущая! Загонщики отнесли ее к старому дубу, и Кашуба повел их дальше в лес. Снова началась облава. Снова крики и шум палок, выстрелы — а зайцев — сила. Отличная охота!

Мы уже четвертый раз приступали к облаве. Вдруг мельник как завопит не своим голосом, словно кожу с него сдирают. И все обеими руками повыше пояса хватается. Кричит, на помощь зовет. Мы все к нему, а он на землю упал, корчится и вопит как помешанный.

Тут кто-то воскликнул: «Ой, братцы, да ведь его падучая бьет!»

«Одежду, рубашку расстегните, живо!» — посоветовал один из горожан.

Подскочили охотники к мельнику, схватили его, куртку расстегнули, шнурок на рубашке развязали. Только хотели ухо к груди приложить, сердце послушать, как из-под рубашки — шмыг! — выскочил зверек темно-коричневый и прямо в чашу!

«Ай, ай! Держи! Куница!» — закричали охотники.

Мы принялись стрелять, и попал в нее я, когда она на вершине дуба промелькнула.

Тем временем наш мельник очнулся, ощупывает себя да постанывает:

«Ох, и досталось мне от нее! Дрянь этакая!»

«А что она у тебя под рубашкой-то делала?» — гогочут охотники.

«Собирался я о ней, проклятой, после охоты заявить. Вы бы рот разинули!» — заикаясь, проговорил мельник, а сам весь красный стал.

«Как следует надо было ее пристукнуть, а не так, только наполовину», — пошутил лесник Кашуба.

А Мрве совсем не до смеха. Морщится он и знай бока свои ощупывает. Принес я куницу, говорю, что отдам ему как вознаграждение за увечье. Он на нее и глядеть не захотел.

«Убирайся ты вместе с ней с глаз долой!» — рывкнул он на меня.

Задрал мельник рубаху, и только тут мы увидели, как куница его искусила. И даже бутылочка спиртного нашему Мрве не помогла, до того он расстроился в тот день. . .

И дядя Богдан снова хохотал чуть не до слез.

— Ну вот, я из этой живучей негодницы дал сделать чучело, и как гляну на него, меня смех разбирает. . .

Только у мельника Мрвы из-за куницы еще одна неприятность приключилась. . .

Дядя Богдан поднялся, подошел к окну. Дождь перестал, тучи разорвались, только ветер еще шумел в деревьях.

— Да я вам об этом по дороге расскажу.

Мы быстро собрались, дядя Богдан перекинул через плечо ружье и сумку, и мы отправились в лес.

Выйдя из лесничества, мы стали подниматься напрямик по лесистому склону. Сначала наш путь лежал по крутой скользкой тропинке, мимо полей, засеянных овсом и картофелем. туман, низко нависший над долиной, постепенно рассеивался. Ветер разносил его клочья во все стороны.

По охотничьей тропе мы вошли в сльник — дядя Богдан впереди, я за ним. Вокруг царил тишина, только северный ветер посвистывал в верхушках елей и на нас падали крупные капли.

Я ждал, когда дядя Богдан начнет обещанный рассказ. А он — ни гугу. Забыл, наверно. Когда он попадал в лес, забывал обо всем на свете.

— Дядя Богдан, так что же еще с этим мельником было? — спросил я, потеряв терпение.

— А-а... — засмеялся он.

Еще некоторое время он шел молча, словно собирался с мыслями, потом заговорил:

— Так вот, значит, очень нашему Мрве не повезло с кунницами. Вышло дело примерно через год после той охоты... Держал мельник много голубей. Сами понимаете, зерно даровое: у помольщиков его вдоволь, а что мельнику о чужом горевать. Да и суп из голубей — объединение! А Мрва поесть любил. Ну так вот, как я сказал, голубей на мельнице был полный чердак. Но вдруг начали голуби пропадать. Вначале Мрва только ругался, кого попало обвинял, а голубей все меньше да меньше становится. Надумал он тогда во что бы то ни стало поймать вора с поличным. Оказалось, что голубей ворует не кто иной, как кунница.

«Погоди же, я тебя изловлю!» — подумал мельник, погрозив кулаком, и стал подкарауливать разбойницу. Несколько ночей просидел, и все зря: ни одной кунницы так и не увидел.

А голубей, что ни день, все меньше. «Чтоб тебе провалиться!» — гремел мельник и грозил припасенными для куницы вилами, с размаху втыкая их в землю. Но какой толк от этого? Он во дворе караулит, а куница пролезет у колеса; сторожит у колеса — куница еще где-нибудь проберется. В конце концов бросил он бесполезную работу по ночам и только зубами скрипел от злости. Голубей-то совсем уж мало осталось. . .

Где-то вверху хрустнула веточка. Дядя Богдан смолк и посмотрел в ту сторону. Но все было тихо. Помолчав, он продолжал:

— Подошла зима, все запорошило первым снежком. В то утро Мрва еще раз всю мельницу обошел, чтобы выследить, откуда куница приходит. И ему повезло. На свежем снегу увидел он мелкие следы, пошел по ним. Вели они от камней у речки к мельничному колесу. До остального мельник додумался: «Проклятая, она по стене под крышу забирается, и готово дело! Ну, я тебе покажу! — пригрозил он. — Дорого тебе голубятина обойдется!» — И стал он западню мастерить.

До самого обеда слышно было, как Мрва пилит и постукивает молотком в сарае. Когда ловушка была готова, довольный мельник долго разглядывал свою работу. Глазки его просто сияли от удовольствия. Западня и впрямь отличная получилась. Небольшой ящичек, стенки боковые можно веревочкой приподнять и подпереть колышками. Зверь внутрь войдет и на дощечку наступит, которую веревочка придерживает, бока ящичка захлопнутся, и наша куница попадется. Мастерская работа!

Вынес Мрва вечером ящичек к мельничному колесу, внутрь приманку положил — кусочек ароматного копченого мяса и спокойно отправился спать.

Утром, чуть свет, мельник бегом к западне. Попалась? Нет?.. Видит: захлопнулась западня! На радостях мельник даже на следы не взглянул. Попалась, мол, воровка! Голуби могут вздохнуть спокойно!

Схватил Мрва ящичек. А как дальше быть? Как куницу

достать, чтобы она не убежала? Поставил мельник ящичек на землю и задумался. И придумал — вправду, лучше не придумаешь. Положил он ящичек в лодку, на которой речку переезжал, шест взял и от берега оттолкнулся. На середине речки шест на всякий случай приготовил, приподнял ловушку, открыл ее и вытряхнул куницу в воду... Бульк! По воде круги побежали. Мрва шест уже наготове держит, чтобы куницу пристукнуть, когда она выплывет. А куницы — нигде! Ждет-пождет мельник, когда же эта разбойница из воды вынырнет, а никого не видать.

«Что за чудеса, черт возьми! — удивляется мельник. — Уж не утонула ли она? Жалко-то как! Кунья шкурка вещь дорогая!..» Но не верится ему, что куница могла утонуть. Ведь куницы замечательно плавают. «Нет, нет, она непременно выплывет!» — с огорчением думает он и все вокруг озирается. Глядь, ниже по течению вода забурлила. Вот и голова высунулась. Однако никогда еще Мрва не видывал, чтобы куница так долго под водой могла выдержать. А-а!.. Что-то неладно дело получилось! Вытряхнул мельник куницу из западни, а тут... Голова-то куда крупнее куньей и приплюснутая какая-то!

«Ох, и болван я! — выбранил себя Мрва, весь красный с досады. — Ну и наказал же я ее!» Только теперь сообразил он, что ночью в западню не куница, а выдра попалась. А ее только в воду пусти!.. Все равно, что козла в огород!

Печально глядел мельник, как выдра вниз по течению уплывает. Хлопнул себя по лбу, еще раз простонал: «Ох, балда я!» — и погнал челнок к берегу.

А в следующую ночь куница опять на голубей охотилась...

Я громко расхохотался. А дядя Богдан только улыбался в усы. В лесу он никогда не поднимал шума и мне этого не позволял.

— Ну, хватит уж, — заметил он. — Теперь потихоньку пошли, если хотим что-нибудь увидеть.

И мы зашагали к горам, за которыми лежит польская граница.

15. ЧУЖИМ МОЛОКОМ ВСКОРМЛЕННАЯ

Должно быть, у дяди Богдана накопился большой опыт с куницами. Следующая история, которую он мне рассказал, была опять об этом коричневом зверьке.

Мы разговорились о том, как лесные животные привыкают к человеку. Дядя Богдан и говорит:

— Даже такой дикий зверек, как куница, и тот к человеку привязаться может.

Я недоверчиво покачал головой. Полно, мол, выдумывать, дядя Богдан. Ведь куница животное сторожкое, от людей прячется. Тогда он сказал:

— Я это по собственному опыту знаю.

— Может, у вас ручная куница была?

— Ну да, была... Что ж тут удивительного? — И он махнул рукой, поняв, что я жду рассказа.

— Расскажите, расскажите же, дядя Богдан, — стал я просить.

Ему ничего не оставалось, как рассказать. Так он и сделал.

— Как-то ранней весной рубили мы старый еловый лес. Ну и наткнулись на засохшую ель. Хвоя с нее местами уже осыпалась, ствол мохом оброс, и дятлы его здорово продырявили. Постучал я по ели палкой, а она загудела, как барабан.

— Срубить! — говорю я лесорубам.

Им дважды повторять не нужно. Запела пила, зазвенел топор — и большое дерево через несколько минут рухнуло на землю.

Мы ветки начали обрубать. Вдруг слышу я слабый писк под еловым лапником. Прислушался внимательно. Да, так и есть. Пищит там кто-то, да жалобно так.

«Под деревом кто-то живой есть», — сказал я рабочим.

В два счета отгребли мы хвою и что же видим: на грязном снегу два детеныша лесной куницы лежат. Недавно, видно, не больше как с неделю, родились. Крохотные такие, ну не больше

кулачка детского. Один детеныш мертвый, другой по снегу ползает и еле пищит. Я быстро его поймал и за пазуху сунул, чтобы он совсем не замерз. Потом стал я гнездо искать, из которого куньи детеныши выпали. Ломать голову долго не пришлось. Лесная куница устроила гнездо в дупле старого трухлявого ствола. Когда ель упала, ствол проломился, а маленькие кунички из дупла на снег выпали.

Сказал я рабочим, что скоро вернусь, а сам кратчайшим путем домой помчался.

«Опять какую-нибудь дрянь принес?» — встретила меня жена, когда я детеныша куницы положил в корзинку с сеном.

«Все расскажу тебе, мать, — говорю я своей Ганке, — а ты поскорее немножко молока согрей!»

Развел я молоко водой, зачерпнул ложечкой и поднес к мордочке малыша. Не стал он пить. Видно, еще только сосать умеет. Ворчит, попискивает и дрожит весь.

«Что же с тобой делать?» — почесал я затылок.

Попробовал я зверька мордочкой в молоко сунуть — может, так дело пойдет. Нет, и так ничего не получилось.

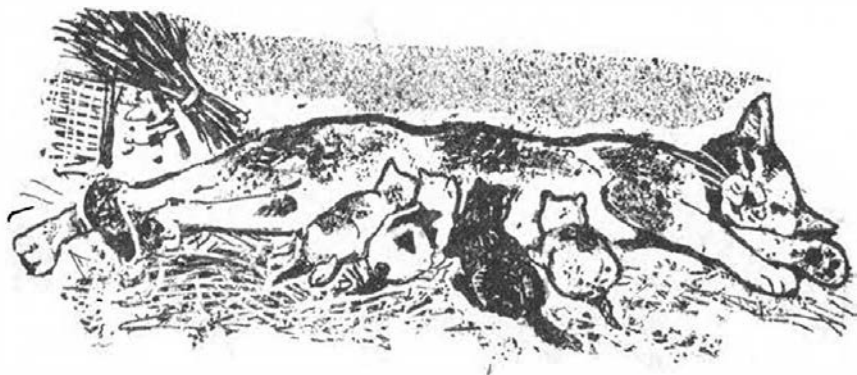
«Сдохнешь с голоду, если пить не станешь!» — говорю я коричневому комочку, но, сами понимаете, какой разум может быть у такой крохотной твари. Не пьет, да и все тут, не думает, что из этого выйдет.

Стою я над корзиной, что делать, не знаю. Жалко мне оставить зверюшку без помощи. Но как помочь, ума не приложу. А когда я уже совсем в отчаяние пришел, мне моя старуха помогла.

«Послушай, — говорят, — а что, если ее нашей Мурке положить?»

Я за эту спасительную мысль обеими руками ухватился. Ведь наша пестрая Мурка как раз несколько дней назад окотилась.

Побежал я в сарай, где у кошки котята были. Взял их и в кухню с ними. Слепые малютки тоненько мяукали, а кошка шла за мной по пятам и жалобно мурлыкала,

«Погоди, Мурка, сейчас их тебе отдам», — успокаиваю я кошку, а она никак не утихомирится.

Подложил я котят к маленькой куничке в корзинку, хорошенько покатал, повалял друг через друга, чтобы найденыш запахом котят пропитался.

А Мурка знай о мои ноги трется и жалобно так просит: веррни, веррни!

«Верну, Мурка, верну, не бойся. Еще минутку погоди».

И отнес корзинку с малышами в сарай.

Сперва уложил на подстилку котят. Старая кошка радостно к ним бросилась, облизывать стала, приглаживать. Потом легла, голодные котята поближе к материнскому молоку пристроились, один за другим соски нанли и громко зачмокали. Довольная Мурка замурлыкала, жмуря зеленые глаза.

Теперь пришло время решать судьбу молодой кунички — останется она жива или нет? Заметит Мурка подмену — конец приемышку. Чуть дыла взял я у кошки одного котенка и вместо него осторожно куничку подсунул. Что-то будет? Заметит кошка подмену? Позволит куничке молоко свое сосать?

Мурка пошевелилась. Я уже подумал: вскочит она сейчас — я дело плохо кончится. Но едва куничка запах молока почуяла, сразу же сосать принялась и сосала жадно, ненасытно. А Мурка тут же успокоилась. Лежит вытянувшись и громко-громко мур-

лычет. Поглядит иногда на малышей или облизнет кого-нибудь из них. И куничку заодно облизала, подмены не заметила.

Я от радости чуть не закричал. Удалась моя затея!

Старая кошка и вправду ничего не заметила. При себе подкидыша оставила, как своего котенка, кормила. На другой день тоже досыта накормила и продолжала кормить.

А куничка с котятами в одной куче спала, ползала среди них, будто родилась с ними вместе...

Куничка хорошо росла. Темно-коричневая шерстка лоснилась, грудка сверкала белизной. Сразу видно — хорошо ей живется.

И чего только она не вытворяла! Когда котят играть выпускали во двор, куничка резвилась вместе с ними. Мы не раз смеялись над ее выходками.

Вместе с котятами она научилась пить молоко из блюдечка да еще и в сад за фруктами бегала. Земляника, сливы, сладкие груши очень ей нравились, не брезговала она и жучками. Но всему предпочитала мясо. Принесла как-то старая Мурка живую мышь, так куничка первая за ней погналась. А там вскоре и в лес, что за лесничеством, стала бегать, охотилась там на мышей, птичек ловила и сытая возвращалась домой. И чем чаще убегала в лес, тем реже с котятами резвилась. Сделалась самостоятельной.

Эта ручная куница у нас в доме прожила два года, привязалась к людям, о ноги терлась и полежать в кухне за печкой была не прочь. В доме она никогда не пачкала — очень была чистоплотна.

Прямо на глазах она набиралась сил и на третий год стала совсем взрослой.

Как-то летним вечером убежала она в лес, как иной раз делывала, да так в лесничество и не вернулась. Свобода ей милее показалась.

16. ОХОТНИК НУБНО

Тучи разошлись, солнце чудесно пригревало. К дяде Богдану примчался запыхавшийся лесник с Белого Потока.

— Наконец-то поймал проклятого! — восклицал он, еле переводя дух.

— Кого же ты поймал? — улыбаясь, спросил дядя Богдан.

— Больше недели подстерегал, а все-таки поймал! — продолжал лесник, стукнув от радости кулаком по столу.

— Да говори ты толком, кого поймал? И стол не ломай! — заметил дядя Богдан и потрепал соседа по широкой спине.

— У самой границы на скалы за ним лазил, но уж раз сказал я, что поймаю, значит, свое слово сдержу, пускай хоть под землю прячется! — хлопнул лесник кулаком по ладони.

Дядя Богдан вышел из терпения, да и меня разбирало любопытство.

— Головы ты нам пришел морочить, что ли? Успокойся и выкладывай наконец! — сердито оборвал его дядя Богдан.

— Ну, этого... ушастого, как его, филина! — выговорил наконец запыхавшийся лесник.

Я был разочарован. Думал — невесть кто, а оказался самый обыкновенный филин! Но еще больше недоумевал я, когда заметил, что глаза дяди Богдана радостно сверкнули.

— Вот это здорово! — говорит дядя Богдан. — Филя — штука замечательная! А у меня, кстати, пернатых разбойников тьма-тьмущая. Будет на кого поохотиться.

— Выучу его, вместе на охоту будем ходить, — пообещал лесник дяде Богдану.

Я еле дождался, когда уйдет гость. Не решался при нем спрашивать, на что нужен филин, но как только мы остались одни, пристал к дяде Богдану:

— Да на что вам этот филин?

Дядя Богдан с усмешкой покосился на меня: а ты, видать, и вправду охотник без году неделя, если таких вещей не знаешь, но все-таки объяснил:

— О-о, охота с филином — огромное удовольствие! Сороки да вороны, эти пернатые разбойники хуже всякой лисы. Они грабят птичьи гнезда. Теперь им худо придется. Для многих ястребов-перепелятников да тетеревиатников их последний час пробьет. Эх, будь у меня сейчас мой Кубко, вы бы от удивления рот разинули!

— А разве филин ловит этих птиц?

— Надо же такое придумать! — воскликнул дядя Богдан, всплеснув руками. — Филин — это только приманка. Дневные хищники на него набрасываются. Ведь филин по ночам их гнезда разоряет, а вот стоит ему днем показаться, они ему спуску не дают. Вороны, сороки, ястребы нападают на него целыми стаями. И тебе лишь остается — пиф-паф! — как яблоки их сбивать.

— Дядя Богдан, у вас, значит, был такой дрессированный филин?

— Был, конечно, был... Ведь я сказал уже, что Кубко его звали. Много лет он был моим верным другом.

— Как же вы его поймали? — приставал я к дяде Богдану.

— Все расскажу, дайте только перекусить малость, мы уж давно пообедали...

После картофельной запеканки тети Ганы, которая хоть ростом не вышла, но была замечательной хозяйкой, мы улеглись в саду, среди высокой травы, и дядя Богдан начал свой рассказ:

— Дело под Суловскими скалами было, когда я еще лесничим неподалеку отсюда служил, в Петровском.

В один прекрасный весенний вечер отправился я на тягу вальдшнепов. Уже смеркалось, дрозды стихли, и тут увидел я в вышине большую птицу с зайцем в когтях. По полету я сразу узнал филина. Он летел к скалам, где у него, наверное, было гнездо.

С той поры филин из головы у меня не выходил. Вот как-то раз перед заходом солнца я и пошел к этим скалам. Из-за скал падали последние лучи солнца, когда послышалось однообраз-

ное «уг-у-у-у, угу-уууу, угу-у-у-у». Я стал следить, откуда вылетит филин. Ждать долго не пришлось. Вылетел он неожиданно, совсем бесшумно, из-за утеса, описал широкий круг в воздухе — и прямо в лес на охоту. «Птенцы есть, значит», — подумал я. И решил во что бы то ни стало добраться до гнезда с молодыми филинами.

Легко сказать, сделать труднее. Скалищи крутые, почти недоступные. Но упорства во мне не меньше, чем крутизны в этих скалах.

Неделю этак спустя спозаранку выбрался я снова в те места.

Немало пришлось мне попотеть, карабкаясь по утесам, обрывам и крутым каменистым тропинкам. Под конец я уже был как мышь мокрый. В конце концов влез все-таки на каменистую площадку, откуда открывался чудесный вид. Посмотрел по сторонам и вижу: несколько ворон с громким карканьем на одном месте кружат и то одна, то другая стремглав на скалы падает. Иду туда. Вороны меня заметили и, сердито каркая, отлетели к лесу.

Подобрался я поближе к тому месту, на которое вороны так злобно нападали, и вижу на старом полусгнившем, вывороченном бурей дереве молодого филина. Сидит он неподвижно, только глазищами поводит. Весь еще белым пухом покрыт.

Пригнулся я, потихоньку ружье и сумку отложил, куртку с себя снял и шаг за шагом к филину подкрался. Он сразу же меня заметил, весь взъерошился и стал похож на шар. С лапы на лапу переступает, кривым клювом громко щелкает и моргает беспрестанно, а сам ни с места... А я уже в нескольких шагах от него. Растянул куртку, прыгнул — и филин мой! Напрасно он под курткой бился, не помогло ему это.

Потом ноги в руки — и домой с редкостной добычей.

Выпустил я его на чердак над курятником. Забился филин в самый темный угол и там, взъерошив перья, долго шипел и щелкал клювом. А у меня новая забота — добывать пропитание для своего драгоценного пленника. То дикого голубя подстрелю,

то сойку, то ворону, а то и лисенка, лишь бы этого обжору накормить.

Принес я ему в первый раз корм. Он к мясу не подошел, а опять в угол забился, лег на спину и даже попробовал в меня когтями вцепиться.

— «Ты вылитый Кубо! ¹» — рассердился я.

Так эта кличка за ним и осталась.

Бросил я на чердаке убитую сойку, дверцу захлопнул и жду. Когда Кубо решил, что он один, он эту сойку когтями разодрал, а потом сожрал вместе с перьями.

Постепенно филин привык к новой жизни. Отворяю я дверцу, а он уже тут как тут и прямо из рук мясо рвет. Постепенно он сменил белый пух на серо-коричневые перья, выросли у Кубко крылья и хвост, на голове появились остроконечные ушки.

Старался я приручить Кубо: покуда он жрал, пытался погладить его. Сперва он топорщился, шипел и клевал меня. В конце концов позволил себя погладить. А вскоре мы с ним и подружились. Из Кубо он превратился в Кубко. Принесу я ему корм и только покликаю: «Кубо, Кубичек!», а он тотчас же отзывается: «угу-у-у-у, угу-у-у, угу-у-у-у».

Стал я его на руки брать и с ним по двору ходить. Кубко расправлял крылья, хлопал ими, радуясь воле, но улетать не думал. Сразу видно, что хорошо ему без клетки. Тогда я решился во двор его выпустить и стал приучать к будущей охоте. Поставил я посреди двора шест с поперечиной, что-то вроде насеста, как буква «Т». На ногу Кубко надел кольцо с легкой цепочкой, а другой ее конец прикрепил к насесту. Цепочка была такая длинная, что не мешала филину передвигаться по всему двору. Ему еще привольнее стало. Сначала кольцо на ноге ему не нравилось, однако со временем он к нему привык. А на насесте филин чувствовал себя совсем как дома, озирался по сторонам, на птиц смотрел, что над ним летали.

¹ Уменьшительное от имени Якуб. Так в Чехословакии называют глупого человека. (Примеч. переводчика.)

Через несколько дней познакомил я Кубко еще с одним новшеством: выпалил близ него из ружья. Видали бы вы, как он в первый раз заметался, едва цепочку не оборвал! Но когда понял, что выстрелы ему ничем не грозят, быстро перестал обращать на них внимание.

«Ну, теперь из Кубко хороший охотник получится», — сказал я себе и принялся для охоты с филином строить землянки в разных местах леса.

Выкопал я яму и над ней устроил крышу с небольшим окошечком, потом все еловыми ветками замаскировал. Шагах в двадцати поставил я насест, такой же как во дворе. И всегда следил, чтобы неподалеку от замаскированного укрытия на расстоянии примерно ружейного выстрела сухое дерево стояло, на какие ястребы-перепелятники и тетеревиатники любят садиться.

Несколько таких мест для охоты с филином были, наконец, готовы. Тогда сплел я для Кубко корзинку с крышкой. Пришло время в первый раз взять его на охоту...

Дядя Богдан откашлялся: от длинного рассказа пересохло у него в горле. Потом набил трубочку и принялся усиленно попыхивать — прикидывался, что дальше рассказывать ему не хочется.

Я испугался.

— Дядя Богдан, и это все?

— А что еще?.. — И он прищурил глаз, лукаво усмехаясь.

— А как же вы охотились с Кубко?

— И без того я тут гораздо больше наболтал, чем вы про-
сили, — ответил на это дядя Богдан. — Вы любопытствовали, как я поймал филина, верно ведь?

— Это я просто для начала спросил, — попробовал я вернуться. — Да я всю ночь не усну...

— Ну, если так, — засмеялся лесничий, — тогда доскажу... А то вы и вправду всю ночь в доме у меня колобродить станете.

И он повел свой рассказ дальше. По глазам дяди Богдана

было видно, какое это для него удовольствие — меня поддразнить.

— Гм... Так на чем же мы остановились? Ага, на первой охоте с Кубко... Вышли мы затемно еще. Кубко в корзинке за спиной у меня сидел. Добрались до одного из укрытий, прикрепил я цепочку Кубко к насесту и выпустил филина из корзины. А Кубко прямо на насест взлетел, отряхиваться да прихорашиваться начал. Чистит перья, а сам время от времени клювом щелкает.

А я забрался в свою землянку и через окопечко вокруг посматриваю.

Побледнели на небе звезды, одна за другой исчезать стали. На востоке заря занялась. Вдруг сразу все ожило. Птицы пением приветствовали утро. Голод выгнал все живое из убежищ.

Кубко забеспокоился. Взъерошил перья и стал вдвое больше, чем обычно, все быстрее лапами перебирал, то и дело крыльями хлопал и щелкал клювом.

Значит, врагов своих заметил.

И вправду слышу хриплое карканье: «кря, кря». Ворона покружилась над филином и улетела. Ружье держал я уже наготове, но пока не стрелял. Карканье еще нескольких ворон приманило. Я поглядеть не успел, а вокруг Кубко уже целая стая этого черного сброда кружит. Испуганный Кубко слетел на землю, но вороны и тут ему досаждали. Бедняга размахивал крыльями, клювом, сердито пощелкивал, но это еще больше ворон раздражило. Как бешеные на него кидались.

Трах! Трах!

Перевернулись два черных разбойника в воздухе и упали на землю. Остальные вороны с криком отлетели. Вскоре они вернулись и снова напали на филина. Тот в ярости клювом и когтями обороняться стал... Тут я дулетом выстрелил. Еще две вороны упали. Теперь у остальных пропала охота нападать на Кубко. Галдя, словно торговли на рынке, вороны улетели.

Кубко успокоился, на насест взлетел и, склонив ушастую голову, уставился на убитых ворон, но все же нет-нет да по сторонам поглядывает — не грозит ли откуда новая опасность.

Солнце уже осветило всю вырубку.

Вдруг филин голову задрал, глаз с неба не спускает, опять взъерошился и стал круглым, как шар.

Кто же это там? Мне в маленькое отверстие еще ничего не видно.

«А-а, вот это кто!»

В вышине над филином плавает черная точка. Она быстро снижается. Филин уже на земле. Там он чувствует себя более уверенно. Но бедняга готов совсем в землю зарыться.

Темная точка превращается в ястреба.

Вот и первая атака. Ястреб на мгновение замирает в воздухе, потом падает камнем, и только ветер свистит в его крыльях. Чуть в филина не угодил! На волосок ошибся! И опять круто поднимается, готовясь к новой атаке.

Когда ястреб вторично стал набирать высоту, я выстрелил. Он вздрогнул в воздухе, перевернулся на спину и упал на землю.

Потом долго никого не было. Я уже думал, что на этот день конец охоте. А тут, откуда ни возьмись, стрелой с высоты канюк упал. Кубко взъерошился, крылья к земле опустил и приготовился клювом отразить нападение.

Пришлось мне быстро решать, что делать. Не стану ведь я стрелять в полезного охотника на мышей!

Не успел, однако, канюк на филина упасть — прогремел выстрел. Я пальнул в воздух, чтобы спугнуть нападающую птицу. И это мне удалось! Перепуганный канюк отвернул, взлетел вверх — только его и видели.

Больше я ждать не стал, вышел из своего убежища, подобрал добычу, Кубко в корзину запихнул и — марш домой.

Назавтра мы охотились на другом конце участка.

Кубко к такой охоте постепенно привык. Он понимал, что я всегда вовремя приду на помощь. И, завидев корзину, даже сам в нее прыгал, видно, радовался предстоящим приключениям...

...Лишь теперь я понял, почему у дяди Богдана так загорелись глаза, когда он услышал о филине. Я сразу почувствовал какое-то уважение к этой ушастой ночной птице. Жаль только, что молодой филин лесника еще не обучен. Мне бы собственными глазами такую охоту увидеть! Но дядя Богдан сказал, что в этом году охотиться с филином еще не придется. Не так-то просто филина приручить!

17. К А Н Ю Л Я

— Смотрите! Смотрите!

И дядя Богдан схватил меня за руку.

Я поднял глаза. Под голубым небосводом, словно на невидимой нити, висит большая птица. Она парит на одном месте, только широко распростертые крылья трепещут, словно вееры. Вдруг птица сложила крылья и камнем упала на землю.

— Плохо мышам придется: канюк на охоту вылетел, — сказал дядя Богдан, когда птица исчезла за деревьями.

После долгих блужданий по лесу мы отдыхаем у опушки, на поросшей густой травой меже. У наших ног разбегается вниз пестрый ковер узких полосок кисуцких полей, в долине вьется серебряная лента речки Бистрицы. Из лесу доносится свист иволги.

— Всякий раз, как я в воздухе канюка вижу, приходит мне на ум наш кроткий Канюля, — медленно произносит дядя Богдан, задумчиво глядя на долину.

— Вот как, вы и канюка приручили? — спрашиваю я, удивленно глядя на старика.

— Кого-кого только у меня в доме не было, — засмеялся дядя Богдан, припоминая, — и с лисой мои дети играли, и с барсуком... Должно быть, нет в наших лесах такого зверя, который бы у меня не жил.

Он замолчал. Я не спускаю с него глаз, словно хочу угадать его слова раньше, чем он их произнесет.

— Как-то в начале лета наш младший сын принес молодого канюка. Птенец еще не оперился и был покрыт желтым пухом.

Я так на мальчишку и накинулся:

«Откуда ты его взял, Петер?»

Я стараюсь, как могу, канюков оберегать, а мой сопляк гнезда их разоряет!

«Пастухи гнездо нашли и мне одного птенца дали», — лепечет мой Петер, бледный от испуга. Знает, что я спуску не дам за такое дело.

Очень мне хотелось задать ему хорошую взбучку. Да какой толк? Гнездо-то все равно разорено, ничего другого нам не остается: надо выкормить канюка.

«Будешь о нем заботиться, не то...» — пригрозил я сыну. Он только кивнул молча. В ту пору он, должно быть, на все бы согласился.

Взял я корзину из-под картофеля, сделал из нее клетку и положил туда сена. Жилье для молодого канюка было готово.

Птенца не больно тревожило то, что с ним произошло. Он сидел в душистом сене и тихонько попискивал, словно на все соглашался.

Надо признать, Петер и вправду о канюке добросовестно заботился. Он и мышей ловил, и лягушек доставал, все тащил в корзину. Побаловаться с птенцом ему нравилось, и тогда он приговаривал: «Канюк, милый мой Канюля!» Да, Петер уж готов был достать для Канюли все, вплоть до птичьего молока.

Вслед за Петером все мы стали звать канюка Канюлей.

Канюля тоже полюбил мальчишку. Принесет тот, бывало, мышь или лягушку, а Канюля приветствует его своим «кии-кии» и сам резво прыгает по сену.

Шло время, и из-под пуха Канюли показались коричневые перья. Рос он не по дням, а по часам. Кривой клюв и когти уже внушали надлежащее почтение.

Подрос Канюля, и ему стало тесно в клетке. Сначала он на край корзины вспорхнул, а там подальше выбраться отважился. И летать пробовал. На забор взлетит, чуток посидит там, словно отдыхает, потом опять на край корзины сядет. И снова продельывает тот же путь. Удивительно, как не надоест ему! Наконец дело на лад пошло, и Канюля перелетел с забора на крышу, а оттуда на липу поблизости. Это так ему понравилось, что он о своей корзине с сеном понемногу забывать стал. Слово презирал свое прежнее жилье. Почти весь день проводит он, перелетая с дерева на дерево, а ночевать на старой липе повадился. Но стоило позвать: «Канюля, Канюля!» — как он мигом спускался на землю и ждал угощения. Заполучив в когти мышь или лягушку, снова взлетал на дерево и там с апетитом расправлялся с ними.

Все дальше да дальше с каждым днем отваживался улетать Канюля. К осени он уже кружил над сжатыми полями, садился на ближайшие деревья и кусты и подстерегал мышей или зеленых кузнечиков. Ни одна мышь не могла укрыться от его зоркого взгляда и острых когтей. Но, насытившись, он всегда возвращался домой.

Так он вырос и уверенно парил высоко в воздухе. Часто, увидев, что я иду в лес, Канюля летел за мной. Я по лесной тропинке иду, а Канюля над вершинами деревьев кружит. Иногда он так далеко отлетал, что я терял его из виду. Много раз подолгу не возвращался, однако на следующий день утром ждал завтрака на старой липе перед лесничеством. Скрипнет дверь, а Канюля тут как тут и шмыг прямо в дом.

Так лето прошло, и осень обрызгала леса пестрыми красками.

До того верный своему дому, Канюля теперь все чаще улетал в горы и возвращался только через два-три дня. А однажды, что-то в половине октября, совсем улетел.

Мы его долго ждали. Петер мышей приносил и укладывал их рядком под липой, но Канюля не появлялся. Ни на второй день, ни на третий, ни через неделю так и не прилетел.

Петер голову повесил и ходил как потерянный. Как-то вечером прижался ко мне малыш и говорит: «Папочка, а не мог кто-нибудь застрелить Канюлю?»

«Нет, что ты, — стал я его успокаивать, — кто же будет стрелять в такую птицу. Скорее он от зимы на юг улетел».

Не сказал мне сын ни слова, но как будто немного повеселел. Всем нам в доме Канюли недоставало.

Потом первые морозы наступили, и я оленей подстергать ходил. Некогда было думать о Канюле.

А однажды — мы как раз убитого оленя свеживали — бежит Петер из-за дома и кричит что есть силы:

«Папа, папочка, Канюля верпулся!»

Смотрю я вверх. И в самом деле, Канюля прилетел! Кружит над лесничеством, все ниже и ниже спускается. Да не один прилетел, еще подружку с собой привел.

Хоть и заняты мы были, но работу побросали и на нашего Канюлю глядим во все глаза. А он совсем во двор спустился. Его подружка на соседнем ясене ждала.

«На, Канюля!» — И я кинул ему кусок свежего мяса. Он мясо в клюв схватил и с ним в сад перелетел. Съел мясо и вернулся во двор, вблизи от нас сел и кричит: «киииа-киииа!» Петер к нему подошел, по блестящим перьям хотел погладить. Но Канюля в руки не дался.

И вдруг с ясеня послышался настойчивый зов.

Канюк голову поднял, подпрыгнул и взлетел. Описал он несколько кругов над лесничеством, почти касаясь крыши, и все кричал, словно прощался с нами. Мы следили за ним, Петер махал ему рукой. К Канюле его подружка присоединилась. Оба долго еще кружили в высоте, пока не превратились в крохотные, еле видные точки. И тогда плавно полетели к югу. Давно они уже из виду скрылись, а мы все в ту сторону глядим.

...За долгую зиму мы о Канюле позабыли. И Петер себе другую забаву нашел.

В один из чудесных апрельских дней вбежал мальчик на кухню и кричит:

«Идите, идите все сюда! Канюля прилетел!»

Мы на двор выскочили. И вправду, вон он! Над лесничеством в воздухе плавал канюк. Он спускался кругами ниже и ниже и при этом все время пищал.

«Это он, он! Наш Канюлька! — выкрикивал Петер, прыгал

как безумный, и вдруг начал звать: — Иди, иди сюда, Канюлька, миленький!»

Но канюк, сделав несколько кругов, улетел в лес.

«Поздороваться прилетел, не забыл нас!» — улыбаясь, сказала жена.

Я молча кивнул головой.

Мы все были уверены, что это был он, наш Канюля. Благодарная, стало быть, птица, не забыла тех, кто ей добро сделал. . .

Дядя Богдан замолчал, но мы еще долго сидели на прогретой солнцем меже. Красивый вид открывался на долину. Откуда-то доносилась протяжная песня девушек. Это были жницы. Тогда только-только начинали убирать овес.

18. ОБЩИМИ СИЛАМИ

Мы идем по тропинке через старый еловый лес. Дядя Богдан, как всегда, впереди, я за ним. Здесь так хорошо. Прохладно, сумеречно! В воздухе сильно пахнет хвоей и смолой.

Вдруг дядя Богдан остановился. На тропинке что-то привлекло его внимание. Я осторожно подхожу.

Большой черный муравей тащит мертвую гусеницу. И как старательно! Поклажа в несколько раз больше его самого. Гусеница то сваливается в ямку, то застревает у веточки. Муравей никак не сдвинет ее с места.

«Эх ты, бедняга, не по силам тебе ноша! Где уж тебе до-тащить!» — думаю я.

Однако муравей не сдается. Обежал гусеницу и старается ее сзади подтолкнуть. Но ничего у него не выходит.

Внезапно он оставляет гусеницу и куда-то бежит. Я слежу за ним. А! Вот в чем дело! . . Там муравейник. Вокруг кишмя кишат муравьи.

— Надоело ему! — шепчу я дяде Богдану на ухо.

Тот только усмехается в усы.

— Сейчас увидите!

А муравей бежит и бежит, перелезает через веточки и хвою, спускается в ямки и бежит дальше. Вот он встретил другого муравья, и они переговариваются, касаясь друг друга усиками. Теперь уже оба бегут в разные стороны. Вскоре к гусенице подбегает шесть муравьев. Они обступают ее, словно люди, которые собираются тащить тяжелое бревно. Раз-два, взяли! И пошло дело на лад! Муравьи стаскивают гусеницу с места, и она движется к муравейнику. Вот они оттащили ее уже с тропинки, поближе к своему замку — муравейнику. К ним подбегает еще муравьи и еще. Гусеница передвигается все быстрее и быстрее, словно живая. Ее уже тащат вверх по склону муравейника, подталкивают к одному из отверстий. Еще разок! И гусеница исчезает внутри.

— Молодцы, знают, как за дело взяться, — бросаю я, словно невзначай, когда мы идем дальше своим путем.

— Муравьи народ компанейский, — говорит дядя Богдан. — Да и не только муравьи. В природе вообще так — животные в беде помогают друг другу.

Некоторое время мы идем молча, потом дядя Богдан начинает вспоминать.

— Однажды я в этом своими глазами убедился. Пошел в молодой ельничек деревца разметить. Иду и выбираю, какое деревце оставить надо, какое срубить. Вдруг слышу я какой-то необычный птичий гомон. Не спокойное пение, а тревожный крик, похожий на призывы о помощи. Голоса разные смешались и какой чей — понять почти невозможно. Но громче всех кричат дрозды. Их «тч-тч-тч-тя-тя-тя-тч» заглушает все остальные голоса.

«Сову, должно быть, нашли, если так сердятся», — думаю я, а сам иду на голоса. Понимаете, нельзя не пойти, надо непременно дознаться, отчего такой переполох.

Прокладываю путь напрямик через еловую поросль. Судя по голосам, уже близко место, где происходит что-то необычное. И что же я вижу?

На полянке стоит ель. У нее то ли сильный ветер, то ли снег обломил верхушку. И вместо одной растут четыре тоненькие хрупкие верхушечки. Вокруг ели стая птиц носится, все, какие только в лесу живут: яблони, синишки, жаворонки, поползни, чижики, иволги и тому подобные пернатые певцы. И яростней всех пара дроздов носится.

«Что тут творится?» — мелькает в моей голове, и я делаю еще шага два вперед.

И загадка разгадана!

В развилке меж четырех верхушек на елке устроили гнездо дрозды. Голые, еще желторотые птенцы через край свои головки высовывают и разевают клювы. А под гнездом, чуть пониже, и метра нет, вокруг ствола обвилась толстая змея с двумя желтыми пятнами на голове. Значит, это уж. Он медленно ползет вверх и всякий раз, когда какая-нибудь птичка подлетает к нему, злобно шипит.

Я ждать не стал, схватил длинную палку и прямо к дереву. Уж меня сразу заметил. Глаза его сверкнули, и он пристально уставился на меня.

А птицы знай на своего общего врага нападают. Самые смелые — дрозды. Они, как безумные, кидаются на ужа. По всему лесу птичий крик слышен.

Попробовал я ужа палкой на землю сбросить. Но не тут-то было! Он крепко обвился вокруг ствола. Поднимает голову и шипит. Пришлось мне взять палку в обе руки и расправиться с ним как следует. Наконец уж отступил, развернул свои кольца, сполз на землю и быстро скрылся в высокой траве.

Бросил я палку, гляжу, что птицы будут делать.

Сперва они кричать перестали, защебетали, потом в разные стороны разлетелись. А дрозды — прямо к своим птенцам. Оба готовы прикрыть их своим телом.

Вскоре вокруг елки наступила тишина. Один из дроздов в гнезде остался. Совсем покинуть своих желторотых детей родители теперь опасались.

Второй дрозд то и дело прилетал с полным клювом. А не-насытные итенцы навстречу ему клювы раскрывали. Накормил их дрозд наконец, на ветку опустился и обычную свою песенку запел, красивую и веселую. Мне показалось, что это он всех остальных птиц благодарит за помощь.

19. ЛЕСНАЯ ЛЕЖЕБОКА

Вечерело, когда мы направились через дубраву к лесничеству.

Вдруг дядя Богдан останавливается и хватается меня за руку.

— Хотите посмотреть на зверюшку — малюсенькую, с детский кулачок, но очень занятную?

Я согласился не размышляя. И зачем дядя Богдан спрашивает, ведь знает мое любопытство.

— Ну так пойдем!

Он поманил меня рукой и свернул с тропинки в дубняк.

Через дубраву мы дошли до невысоких зарослей орешника. Тут дядя Богдан остановился, посмотрел вокруг, точно выбирая дорогу, потом проскользнул в чащу по еле заметной тропке, проложенной лесными жителями.

Мы шли медленно. Ветки безжалостно хлестали по лицу и по рукам. Часто приходилось пригибаться пониже, чтобы пробраться, словно туннелем, под ветвями кустарника.

Наконец дядя Богдан остановился, послунил палец и подержал немного над головой, потом удовлетворенно кивнул.

— Ветер на нас, — сказал он. — У этого зверька нюх замечательный.

И он сделал еще несколько шагов вперед.

— Видите? — сказал он шепотом, показывая в ореховые заросли.

Я глядел во все глаза, но ничего не видел. Через некоторое время шевельнулась веточка, и среди широких листьев орешника мелькнуло буровато-коричневое созданище.

— Лесная лежебока, — шепнул мне дядя Богдан.

Лежебока? О таком животном я в жизни не слыхивал.

— Я его так прозвал, а по-ученому — соня орешниковая.

Ну, это больше на дело походит, что-то такое я слышал краем уха.

Мы смотрели на бурый шарик, а он быстро прыгал с ветки на ветку. Казалось, зверек нас не заметил.

— Гнездо у нее там, — показал дядя Богдан на середину куста.

И вправду, в полутора метрах от земли в развилке виднелось гнездышко, совсем такое же, как птичье.

Долго мы смотрели на крохотную озорницу, которая проворно прыгала с ветки на ветку, поддерживая равновесие длинным хвостиком. Соня лазила по веточкам, висела на них вверх брюшком, становилась на задние лапки, а передними доставала орехи. Ловко выгрызала ядрышко, а пустую скорлупу бросала на землю. Иногда она так прижималась к ветке, что совсем исчезала из виду. А то вдруг — скок-скок! — и сидит в гнезде. Черные глазки сверкают как бусинки и смотрят на нас. По другой сторону гнезда свешивается пушистый хвостик.

Я готов был смотреть до ночи, но дядя Богдан напомнил мне, что пора отправляться дальше.

— Ну как, занятный зверек, а? — спросил он меня в дубняке.

— Гм. Занятный. Но почему вы его лежебокой прозвали? Он же как ртуть живой.

Загорелое лицо дяди Богдана так и просияло. Он погладил усы и сказал:

— Эта соня орешниковая и взаправду спит очень много. Всю зиму напролет спит, даже летом день-деньской, только в эту пору просыпается.

И когда мы вышли на тропинку, дядя Богдан рассказал мне целую историю о своем первом знакомстве с соней.

— Два года назад мы тут, чуть пониже, дорогу чинили, — начал он. — Было это в начале мая, только что снег сошел. Под кустами всюду подснежники цвели.

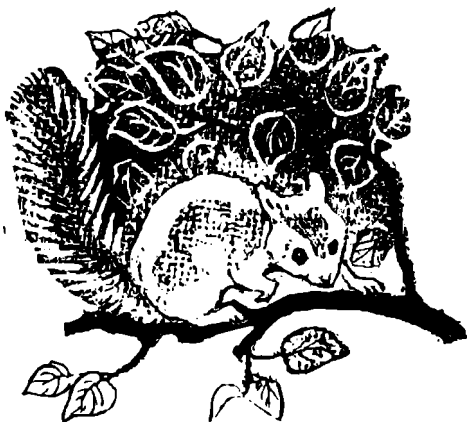
Выравнивали рабочие откос над дорогой. Один из них киркой сильно ударил, выворотил большую глыбу, и она покатилась вниз под уклон. Катилась, катилась и постепенно на мелкие кусочки рассыпалась. Вдруг среди комочков земли буровато-коричневый пушистый шарик объявился.

Рабочий, старик Валко из Речницы, подбежал и взял шарик в руки. А шарик зверьком оказался, крохотным, как мышка. Он спал, свернувшись клубком, обернув длинный хвостик вокруг тела. Подозвал меня Валко и показывает пушистый шарик.

«Должно быть, порядочная лежебока, раз от такой встряски не проснулась», — сказал Валко, подавая мне сонюлю.

«Да, соня ореховая не прочь поспать», — говорю я ему.

«Берите ее, мне она ни к чему», — сказал Валко и пошел работать.

Сунул я лежебоку в карман. Согрелась она там, стала дышать глубже, но так и не проснулась. Уже добрых два часа прошло, а лежебока продолжала спать как убитая. Что с ней делать, не таскать же ее в кармане? Где-нибудь чуть покрепче прижму, из нее и дух воп. Положил я соню под кустик среди распутившихся подснежников. Несколько раз заглядывал — там ли она еще. Вижу: все там же лежит. Потом на другой бок перевернулась и продолжала спать.

«Хоть сфотографирую ее!» — подумал я.

Сбежал я в лесничество, вернулся с фотоаппаратом, посмотрел, не сбежала ли тем временем моя лежебока. А она спит и спит.

«Ох, какая же ты лежебока!» — бранил я ее, когда снимал.

Сделал я несколько отличных снимков, потом к рабочим ушел. Когда под вечер мы расходились по домам, лесная соня все еще спала среди подснежников. Только на другой день ее там не оказалось.

— Ну вот, с тех пор иначе соню я и не называю, как лесной лежебокой, — закончил дядя Богдан.

... Дома он в самом деле показал мне снимки соню, спящей среди цветущих подснежников.

20. КАК КАРП ОРЛА УТОПИЛ

Тихим вечером сидели мы у веранды на той самой лавочке, где я впервые увидел дядю Богдана. Мерцали звезды, и светила полная луна, из леса тянуло холодком. Дядя Богдан покуривал трубку, которая то и дело ярко вспыхивала.

Он рассказывал о своих странствованиях. И вправду, за свою жизнь он повидал очень много. Охотился на медведей в восточных Карпатах, работал в Южной Чехии на рыбных прудах. . .

— А вы не расскажете мне какую-нибудь историю, которая произошла с вами в тех местах? — перебил я его. Надо ковать железо, пока горячо!

— Ну, конечно! Всюду можно встретить что-нибудь любопытное, — ответил дядя Богдан и сейчас же начал: — Так вот, служил я, стало быть, поблизости от Тршебони, и вышел со мной там презанятный случай.

Рыбы в прудах там водилось, что деревьев в лесу. Но заметили мы, что у нас на побережье много ондатр развелось, а это для рыбы чистая гибель. Начали мы уничтожать. Однажды и я на ондатр поохотиться вздумал. Взял с собой легкое ружье — хотелось их, проклятых, перестрелять побольше.

Остановился я у пруда, в котором самые старые матки карпов помещались. Мы их подкармливали на племя, и развелись они, как следует быть. Много рыбин — около десяти килограммов веса.

Жара стояла — дышать нечем, хорошо было у воды поспать. И рыба на отмель вышла, на солнышке погреться. Спинные плавнички теснились почти у самой поверхности воды.

Пристроился я на плотине под старым дубом, сижу, поглядываю на берега. Но ондатр нигде не видно. Вероятно, сыты были и по своим норам попрятались. На охоту только под вечер выйдут.

Раз ондатр не было, стал я разглядывать, что вокруг творится. Стайки диких голубей то и дело прилетали к пруду напиться, а потом мирно рассаживались на дубах. Над водой стрекозы то трепещут своими прозрачными крылышками, то замрут на одном месте и висят в воздухе. В камышах изредка показывались водяные птицы — то лысуха, то нырок или дикая утка.

Озираюсь я этак и вдруг вижу: в голубой вышине какая-то хищная птица. Хватаю бинокль. Так и есть — речной орел. И какой экземпляр превосходный!

Орел кружил, ни разу не взмахнув крыльями, на поворотах оперенье на его груди и животе поблескивало серебром.

Прижался я к шершавой коре дуба, чтобы зоркий орел меня не приметил, и смотрю, что он станет делать. Просто на прогулку отправился или на охоту?

Орел кружил над прудом довольно долго. Я даже попытался подманить птицу на расстояние ружейного выстрела, подражая крику пойманного зайца. Но орел парил слишком высоко и не слышал моего голоса.

И тут произошла история, для меня совсем уж неожиданная.

Орел перестал кружить, еще шире распластал свои крылья, планируя, спустился прямо к пруду, замер в воздухе, потом сложил крылья и камнем упал в воду. Все это разыгралось в один миг. Я даже не успел ружье схватить.

А орел уже на воде. Только теперь увидел я, какой это великан. Крылья в размахе — больше полутора метров.

Но что такое?

Изо всех сил машет орел крыльями, по воде хлещет, белая пена летит во все стороны, а он словно прилип к воде, никак не поднимется в воздух. Даже наоборот — все больше в воду погружается. Вот его уже только наполовину видно, одна голова

с крючковатым клювом торчит. И наконец орел совсем под водой исчез.

Я остолбенел. От роду не видывал, чтобы такая огромная птица ни с того ни с сего утонула! Глазам своим не верю, но ведь не обманывали же они меня!

Об ондатрах я и думать забыл. И потом долго еще о гибели орла раздумывал. Все ждал, когда пруды спустят. Найду ли я орла на дне?

Месяца через два пруды спустили.

Надел я высокие сапоги и к пруду отправился, пробрался через заросли тростника да по илистому дну к тому месту, где этот памятный случай разыгрался. Там нашел я останки огромного карпа и орла. Их почти занесло черным илом. Птица так и не выпустила когтей из спинного хребта карпа.

Я был тогда молод, неопытен и тщетно ломал голову над этим случаем. Лишь бывалые рыбаки, которые много лет на прудах работали, объяснили мне, в чем было дело.

А вышло это вот как.

Всякий хищник всегда нападает в ярости. Разъярившись, он когтями впивается в добычу, тут-то его судорогой сводит. В этот миг он не может ослабить свою хватку. Только немного погодя эта судорога проходит. Вот она-то орла и погубила. Карп, почувствовав резкую боль в спине, с испугу вглубь ушел. Орел когти не успел высвободить, и рыба его под воду утащила...

... Меня эта история очень взволновала. Я уже обдумывал интересный рассказ. У веранды воцарилось долгое молчание, только лес шумел не умолкая.

— Ну, пошли в дом, что ли, — сказал дядя Богдан и поднялся, — что-то прохладно стало.

Только сейчас я заметил, что меня пробирает дрожь.

— Еще один случай я расскажу, но только завтра, — сказал дядя Богдан в дверях.

И когда в комнате я пристал к нему с просьбой рассказать сегодня же, он решительно покачал головой, ответив:

— Нет, нет! Ведь вы здесь не последний день.

21. ДОГАДЛИВЫЕ ВОРОНЫ

На следующий день я уже с утра надоедал дяде Богдану:
— Дядя Богдан, вы обещали рассказать!

Но моя надоедливость обернулась для меня плохо. Дядя Богдан, видимо, вздумал наказать меня за нетерпение. Он все время находил какую-то неотложную работу и всякий раз отвечал на мою просьбу:

— Еще минуточку, я сейчас. . .

Но «минуточка» затягивалась, за ней другая. Только после полудня дядя Богдан наконец подмигнул мне и принялся рассказывать:

— Знаете, не люблю я ворон — они грабят гнезда пернатых певцов. Все-таки однажды пришлось мне на них подивиться. . .

Мы тогда пруды спускали — прочистить нужно их было. А к пустым водоемам любят прилетать дикие утки. Они в грязи копаются, вылавливают в ней всевозможных личинок да червяков. Ну, а мы, в свою очередь, уток подстерегаем и охотимся на них.

Вот однажды я у спущенного пруда поджидал эту водяную птицу. До прилета уток я смотрел, что делается вокруг. Очень любопытны были моллюски в раковинах: они медленно ползали по грязи, оставляя на дне глубокие борозды. Таких следов-бороздок было великое множество; они переплетались сложными узорами.

Вижу: к пруду подлетели две вороны. Опустились прямо в жидкую грязь, и лапы их сразу же увязли в ней. Крылья и хвост вороны приподымали как можно выше, чтобы не испачкаться и в случае чего сразу же взлететь.

Расхаживают вороны по грязи, всякую съедобную мелочь достают, а ее тут очень много.

Набрела одна ворона на ракушку. Долго она разглядывала, как это странное существо ползает, головой покачивала с боку на бок, словно дивясь, потом раковину клюнула. Моллюск замер. Принялась ворона клювом быстро по ракушке долбить, да

не тут-то было. Слишком слаб оказался вороний клюв для панциря моллюска.

Другая ворона увидела и к первой подлетела. Так уж они долбят, так стараются, только стук стоит.

«Неважное угощение вам подвернулось, — думаю я. — Не так-то вам просто полакомиться будет. Поищите-ка лучше другую поживу!»

Но вороны упорствуют. Стоят над ракушкой, словно советуются, как быть. Голову наклоняют, топчутся в жидкой грязи, а улетать не улетают.

Моллюск тем временем снова пустился в путь. Удивило это ворон. Отскочили они в сторону, постояли в растерянности, наконец в себя пришли и еще яростнее напали на него.

Очень мне хотелось узнать, чем дело кончится.

Одна из ворон закаркала, ракушку в клюв схватила и полетела.

Эта выходка так меня удивила, что я даже на ноги вскочил и смотрю черной разбойнице вслед.

Ворона недалеко улетела — до каменистого места, неподалеку от пруда. Смотрю, она все выше подымается. Взлетела высоко, выпустила раковину из клюва и, описывая в воздухе круги, бросилась за ней.

Ракушка ударилась о камень и раскрылась. А ворона уже тут как тут. Быстро выклевала вкусное мясо моллюска.

«Ловкая выдумка», — похвалил я в душе ворону, а сам жду, что дальше будет.

Ворона вернулась к пруду и еще в воздухе высмотрела вторую ракушку. Не стала с ней возиться, сразу схватила ее клю-

вом и взлетела. Другая ворона — за ней и тоже с ракушкой в клюве. Над камнями они выпустили добычу и угостились на славу.

В тот день солоно пришлось моллюскам. Те, что попались на глаза воронам, распростились с жизнью и погибли на камнях.

Я же об утках совсем позабыл, во все глаза глядя на черных разбойниц. Уж очень ловко они действовали. Разума у них хоть и капелька, но для злодеяния хватает.

22. НЕОБЫКНОВЕННАЯ ОХОТА

Дождь разошелся снова, и непогода загнала нас в комнату, где хранились трофеи.

Я набросился на фотографические коллекции дяди Богдана. Перевертываю листы альбома один за другим и любуюсь фотографиями. Кажется, нет ни одного лесного зверя или птицы, которого бы не запечатлел дядя Богдан. Эти альбомы словно богатый зоологический парк. Тут есть фотографии оленей и косуль, лис и барсуков, филин смотрит на меня с насеста огромными глазами, а вот тройка сычей сидит на еловой ветке, и куница высовывает голову из дупла... Подчас мне кажется, что все они оживут и разом задвигаются, закричат...

Но больше всего заинтересовали меня три фотографии. На одной самка ястреба сидит в гнезде, на второй она кормит птенцов, а на третьей видны уже хорошо оперившиеся молодые ястребы.

Я знаю, что ястреб сторожкая птица, а когда у нее птенцы, даже свирепая. И потому мне не терпится узнать, как дядя Богдан сделал эти редкие снимки.

Сегодня дядю Богдана не пришлось просить дважды. Ему надоело сидеть молча, он уже носом клевать стал.

— Как-то раз отправился я в лес не с обычным оружием в руках, — начал дядя Богдан свой рассказ о трех снимках. —

Оставил дома своего верного товарища — ружье, а вместо него захватил с собой топорик.

«Уж не идешь ли ты на медведя с обухом?» — удивилась моя старуха, увидав это вооружение.

«Нет, у нас в Глубокой вода мост сорвала, — ответил я. — Хочу стволы подходящие для нового отобрать».

А сам скорей из дому. По крутой тропинке пошел в старый ельник. Там, думаю, непременно подходящий лес найду.

Нашел одно дерево, сделал на нем зарубку и снова по лесу зашагал. Чуть подальше приглянулась мне еще одна ель. Осматриваю ее с верхушки до корня, постукиваю обухом по стволу. «Хороша будет, думаю, как литая. Мост из такого дерева наверняка никакая вода не снесет!»

Загудел ствол от ударов, тут с соседней елки слетела большая птица и на весь лес как поднимет крик: «кикики ки... кикики... кик... кикик».

Оказалось — ястреб. Наткнулся я на ястребиное гнездо, хотя вообще-то заметить его трудно.

Птица отлетела недалеко, все кружится у ели и кричит.

«Уж не птенцы ли у нее, раз она гнездо так охраняет» — подумал я. Осмотрел ель со всех сторон. Птенцов вроде бы незаметно. Значит, в гнезде только яйца.

И тут пришла мне в голову дерзкая мысль: а не сделать ли фотографию с ястреба, и даже не одну: самка на яйцах, а потом — молодые ястребы. Здорово получится.

Задумано — сделано.

В воскресенье захватил я с собой молодого лесника Якубца, и мы чуть свет вместе пошли к старому ельнику. По пути нарубил я охапку елового лапника, взвалил ее на плечо и прямо к той ели, где ястребиное гнездо нашел. Там я достал из мешка топорик, пилку, веревку и кошки, выбрал одно из соседних деревьев, откуда гнездо видать получше, и взобрался на верхушку. Все это мы постарались сделать бесшумно, чтобы ястребиху не спугнуть. С земли виден был только кончик ее хвоста: он из гнезда торчал.

Переставляю я кошки осторожно вверх по стволу. На добрых пятнадцать метров от земли уже поднялся, и тут одна из кошек ударилась о ветку. Фррр! — выпорхнула птица из гнезда. По всему лесу опять слышно: «кикики-кикикики...»

А я все вверх лезу. Наконец поднялся немного повыше гнезда. Оно было большое, почти плоское, сплетенное из веточек. И в середине — три яйца. Яйца зеленоватые, с еле заметными пятнышками.

Дул слабый ветерок, и вершина ели слегка раскачивалась. Ощущение было не из приятных, честное слово. Но я тотчас же принялся за работу: снял пилку с пояса, отпилил ветку, заставлявшую гнездо. Потом достал из кармана веревку, один конец ее спустил Якубцу и поднял наверх приготовленный еловый лапник. Из этих еловых веток сплел я укрытие. Работа подвигалась очень медленно. Плел-то я одной только рукой, другой держался за дерево. Наконец все было готово. Но гнездо сфотографировать не удалось. Мой аппарат для такого расстояния не годился. Надо было что-то придумать.

А самка ястреба все еще над вершинами елей кружила. Самец, чуть поменьше величиной, тоже парил высоко над лесом. Оба кричали жалобно и угрожающе.

Спустился я на землю, облюбовал еще одну ель между гнездом и моим укрытием. На ней-то я и решил укрепить свой фотоаппарат.

Лесник Якубец молча следит за мной, подавая то, что мне требовалось. Я измерил шагами расстояние между выбранной елью и той, где было сделано укрытие. Расстояние оказалось подходящим для моего аппарата, что-то около восьми метров.

И снова кошки впились зубьями в кору. Не сразу я нашел для аппарата удобное место, чтобы солнечные лучи на объектив не падали. Яркий отблеск мог встревожить птицу... Наконец крепко-накрепко привинтил я к толстому суку подставку аппарата.

На этом приготовления были окончены.

Мы бесшумно отошли от гнезда. Только через несколько дней привыкнут ястребы к моему укрытию на соседней елке...

Я каждый день проходил по этим местам. То нарочно на сухую веточку наступлю, чтобы она громко хрустнула, то кашляну тихонько. Первые дни ястребиха при малейшем шуме с гнезда слетала и принималась кричать. Только на четвертый день она перестала обращать внимание на шум.

Следующее воскресенье выдалось отличное. Зяблики, синички, дрозды, дикие голуби заливались во весь голос. Настоящий лесной концерт. Порой к этому волшебному оркестру примешивался крик сойки.

Ранним утром мы с Якубцем были уже у ястребиного гнезда.

Мне удалось прикрепить фотоаппарат так осторожно, что даже самка в гнезде этого не заметила и не улетела. Но когда я уже спускался, кошка опять зацепилась за ветку. Ястребиха выпорхнула из гнезда.

«Все равно вернешься!» — крикнул я ей вслед и продолжал свое дело.

Влез я к своему укрытию, а сам в зубах держу шнурок, привязанный к спуску затвора.

Устроился я кос-как в своем убежище. Теперь и впрямь все было готово. Якубец нарочно ушел с шумом. Пусть ястребы думают, что поблизости живой души нет. Самка ястреба на яйцах сидела уже довольно долго, вот-вот птенцы вылупятся. Она проводила Якубца из леса веселым клекотом.

И необыкновенная охота началась.

Скоро ястребиха подлетела и довольная села на ближнюю ель. Она потряхивала длинным хвостом и тихонько клекотала. Через некоторое время перелетела к гнезду и села, нахохлившись, на яйца. А клювом их то и дело поправляла под собой.

Затаив дыхание я крепко держал в потной руке шнурок. Жду, а руки и ноги постепенно деревенеют.

Устроилась наконец ястребиха и перестала в гнезде воиниться.

Затвор чуть слышно щелкнул...

Как можно скорее, насколько позволяли мне неуклюжие кошки, я поспешил спуститься и тут же подняться к аппарату, в котором таилась редкая добыча. Перепуганная, рассерженная птица с злобным криком взмыла в воздух.

После этого у ястребиного гнезда всю неделю царил полный покой.

В следующее воскресенье при первых лучах солнца мы снова были на месте.

С первого взгляда на подножие ели мы поняли, что не зря пришли. На хвое и в траве вокруг дерева валялось множество объедков: косточки, клочья шерсти, перья. В гнезде оказались два птенца, покрытые белым пухом. Таким же пухом было выстлано гнездо.

Кончил я приготовления, и Якубец ушел. Можно было начинать «охоту».

Самка клекотала высоко над нами. По небу, словно белые перины, плыли облака. Я все время опасался, что как раз в тот момент, когда нужно будет нажать затвор, солнышко спрячется. Да и ветер был посильнее, чем в прошлый раз, — дерево раскачивал так, что у меня замирало сердце.

Но я терпеливо выжидал подходящую минуту. Наконец через добрых полчаса прилетела ястребиха с растерзанным дроз-

дом в когтях. Как только она сядет на край гнезда, тотчас же щелкнет затвор. Но птица опустилась на соседнее дерево и зорко поглядывала по сторонам. Должно быть заметив какое-то мое неосторожное движение, выпустила дрозда из когтей и снялась с места.

Выругался я в душе, но все-таки ждал. Время шло. Только через час решилась мать вернуться к своим детям. И опять принесла им пищу. Птенцы уже беспокойно вертелись, шейки вытягивали и тихонько попискивали.

«Теперь-то она уж непременно на гнездо сядет», — надеялся я, следя за матерью-ястребиной.

А она все-таки не села! Опустилась на соседнюю ель и огляделась по сторонам. Понимала уже, что откуда-то ей грозит опасность. Заметила она что или нет, только добычу выпустила и крыльями опять взмахнула.

Тут уж я вовсе разошелся. Руки и ноги у меня совсем затекли, начали болеть, ноги даже трястись стали.

Что делать? Ждать еще или слезть?

Решил я было спуститься, да, к счастью, еще помедлил. А что как она сейчас прилетит и еду птенцам принесет? Ястребята все настойчивее кричали. Что сильнее окажется — страх или крик голодных птенцов?

И я продолжал сидеть. В конце концов уже ног своих не чувал. Рука, которой я держался за ель, совсем одеревенела.

Но я все ждал и ждал. Вверх тормашками с дерева слечу или редкий снимок все-таки сделаю!

Ожиданию, казалось, конца не будет. Жду час, другой, может, третий, а то и больше.

А птицы нет как нет!

«Не уморит же она своих детенышей голодом!» — думаю.

Из деревни донесся бой часов. Значит, я торчу на дереве уже добрых три часа с половиной. Три с половиной часа торчать между небом и землей! И все ради одного снимка!

Ругаю себя старым дурнем, а сам все сижу. Даже тогда не спустился, когда ястребиный клекот вовсе стих. Мать о птенцах словно позабыла и улетела куда-то очень далеко.

Силы мои уже были на исходе. Но желание сделать необыкновенный снимок превозмогло все. Сжав зубы, держался я на дереве из последних сил.

Право же, я хорошо сделал, что не отказался от своей затеи, не ушел, выдержав столько времени. Вдруг совершенно бесшумно мать молнией упала на гнездо. Птенцы вырвали из ее когтей добычу, и тут же щелкнул затвор моего аппарата.

Победа! И это чуточку ободрило меня.

Теперь я только и думал, как бы поскорей вниз очутиться. Но это не так-то легко было. Конечности мои прямо омертвели, каждое движение причиняло невероятную боль. Сперва я пошевелил руками, попытался ноги размять. В них словно миллионы мурашей сидели. Наконец кое-как кровообращение наладилось, и я стал медленно спускаться с ветки на ветку. Полагался больше на свои руки. Ноги все еще плохо двигались и ничего не чувствовали. Спуск показался мне бесконечным. Переставлю кое-как ноги с ветки на ветку, передохну и снова осторожно спускаюсь, крепко стиснув зубы. Попробовал было думать о редкой добыче. Какой будет великолепный снимок! Но эти мысли мне плохо помогали.

Дело кое-как подвигалось, пока я перебирался с ветки на ветку. Но когда добрался до гладкого ствола, мне совсем плохо пришлось. В руках совсем сил не осталось. А до земли еще доб-

рых четыре метра! Выдержать! Но руки мне перестали повиноваться. Пальцы разжались, и я плюхнулся на землю, словно гнилая груша. Здорово меня потрянуло, но я даже не почувствовал боли, однако встать не попробовал. Надо было перевести дух. Так Якубец и нашел меня на земле. (Он просто сгорал от любопытства, почему нет меня так долго. В конце концов пришел к гнезду, хотел посоветовать: оставьте, мол, все на месте да домой ступайте.)

За фотоаппаратом Якубец сам на дерево слазил. Мне бы уже никак не взобраться.

... Долго я не хотел глядеть на ястребиное гнездо! Всякий раз вспоминал свои мучения и далеко обходил старую еловую рощу. Но через три недели Якубец прибежал и сообщил, что молодые ястребята уже на краю гнезда сидят. И тут я не усидел дома. Загорелось мне к двум редкостным снимкам третий добавить. Впрочем, дался он мне без особого труда. Молодые ястребы, у которых отросли сильные клювы и острые когтищи, уже как следует оперились, но летать еще не умели. Они только злобно шипели, щелкали клювом, метали глазами молнии. Но тем красивее они получились на снимке.

Дядя Богдан смолк, а я смотрел на него с немым удивлением.

Вскоре он встал с места и начал с хрустом в суставах разводить руки. После этой гимнастической разминки он с улыбкой пояснил:

— Стоит мне на эти фото посмотреть, как кажется, что руки и ноги у меня деревенеют, как в тот раз на верхушке ели.

Жалко мне было, что рассказ подошел к концу. Дядю Богдана можно было слушать с утра до ночи и после того снова.

23. РАЗЛУКА

Трудно было мне расставаться с рассказами дяди Богдана. Я откладывал свой отъезд из уютного лесничества со дня на день, но в конце концов уезжать когда-нибудь ведь нужно...

В последний раз мы отправились в лес к Майовому пику. Было тихое, омытое свежей росой, раннее утро. Не слышно было птичьего гомона. Бесчисленными каплями сверкали росинки на просыхающей траве, на листьях и белых осенних паутинках, которые цеплялись за кусты.

— Последние погожие деньки у нас, — сказал дядя Богдан, и голос его дрогнул. — Дожди пойдут и будут лить до самого первого снега.

И правда, осень уже спускалась в долину. Особенно заметно это было с вершины Майова пика. Леса стали пестрыми, словно девичьи платки. Зеленый цвет переходит то в бронзовый, то в багряный или рыжий. Чудесная игра красок, какую не сумеет передать ни один художник.

Я долго стоял на вершине, любуясь праздничным убором осеннего леса. Дядя Богдан попыхивал трубкой и терпеливо ждал, когда я прощусь с окрестностями Майова пика. Он чувствовал, должно быть, что мне трудно оторваться от этих мест, где я слышал столько интересных историй и пережил столько прекрасных минут. Но время шло, и нужно было возвращаться. Еще последний взгляд вокруг! Мне взгрустнулось, словно я покидал здесь что-то родное и близкое. Дядя Богдан подметил мое настроение, мягко взял меня за руку и произнес:

— А вы опять приезжайте к нам в будущем году!

Я охотно кивнул в ответ: конечно, приеду!

На душе у меня сразу стало веселее.

— Ну, пошли, — сказал дядя Богдан. — Того и гляди, поезд ваш уйдет!

Он уговорил меня доехать по узкоколейке до Ощадницы. Зачем, мол, пешком идти...

Едва успел я сунуть вещи в рюкзак, как по долине раз-

песня протяжный гудок маленького поезда, перевозившего лес. Мы пожали друг другу руки, я поблагодарил дядю Богдана за все. Состав, нагруженный длинными бревнами, застучал на стыках, а я стою на последней вагонетке и все машу шляпой. Дядя Богдан и тетя Гана становятся все меньше и меньше, обитый дранкой домик сжимается и превращается в крохотный ящичек. Вот уже все скрылось за поворотом, а домик и его обитатели так и стоят у меня перед глазами. В кармане лежит записная книжка, которую я всю исписал рассказами дяди Богдана о необыкновенных охотничьих приключениях...

«Прощайте, дядя Богдан, лесной домик и долина! — мысленно говорил я. И тут же себя поправил: — Нет, не прощайте! До свидания!»

А паровозик будто смеется над моей грустью, то и дело весело свистит. Ему-то хорошо, через часок-другой он сюда вернется. А когда вернусь я?

«Через год, через год, через год...» — стучат колеса.

Я повеселел и счастливо смеюсь. Что такое один год! И тогда-то уж дядя Богдан выложит мне все, что еще осталось в его охотничьей сумке!

СОДЕРЖАНИЕ

1. Дядя Богдан	5
2. Необыкновенная подруга	12
3. Белая мышь	14
4. Окаменевший олень	20
5. Петька	26
6. Разбойник	31
7. Олень в шапочке	36
8. Зверь, который ни с кем делиться не хотел	39
9. Сметливая лиса	44
10. Мать	50
11. Козлик Беляк	55
12. На тетеревином току	60
13. Сражение в воздухе	65
14. Жадный мельник и куницы	67
15. Чужим молоком вскормленная	74
16. Охотник Кубко	78
17. Канюля	85
18. Общими силами	90
19. Лесная лежебока	93
20. Как карп орла утопил	96
21. Догадливые вороны	100
22. Необыкновенная охота	102
23. Разлука	110

Для среднего школьного возраста

Рудо Мориц

ИЗ ОХОТНИЧЬЕЙ СУМКИ

Рассказы

Ответственный редактор *Л. Е. Касюга*. Художественный редактор *В. А. Горячева*. Технический редактор *Е. М. Захарова*. Корректоры *Л. М. Короткина* и *Э. Н. Сизова*. Сдано в набор 23/V 1966 г. Подписано к печати 10/VIII 1966 г. Формат 60 × 84^{1/16}. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 6,53. Уч.-изд. л. 5,82. Тираж 50 000 экз. ТП 1966 № 505. Цена 29 коп. на бум. м/мел. Издательство «Детская литература» Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 818.

